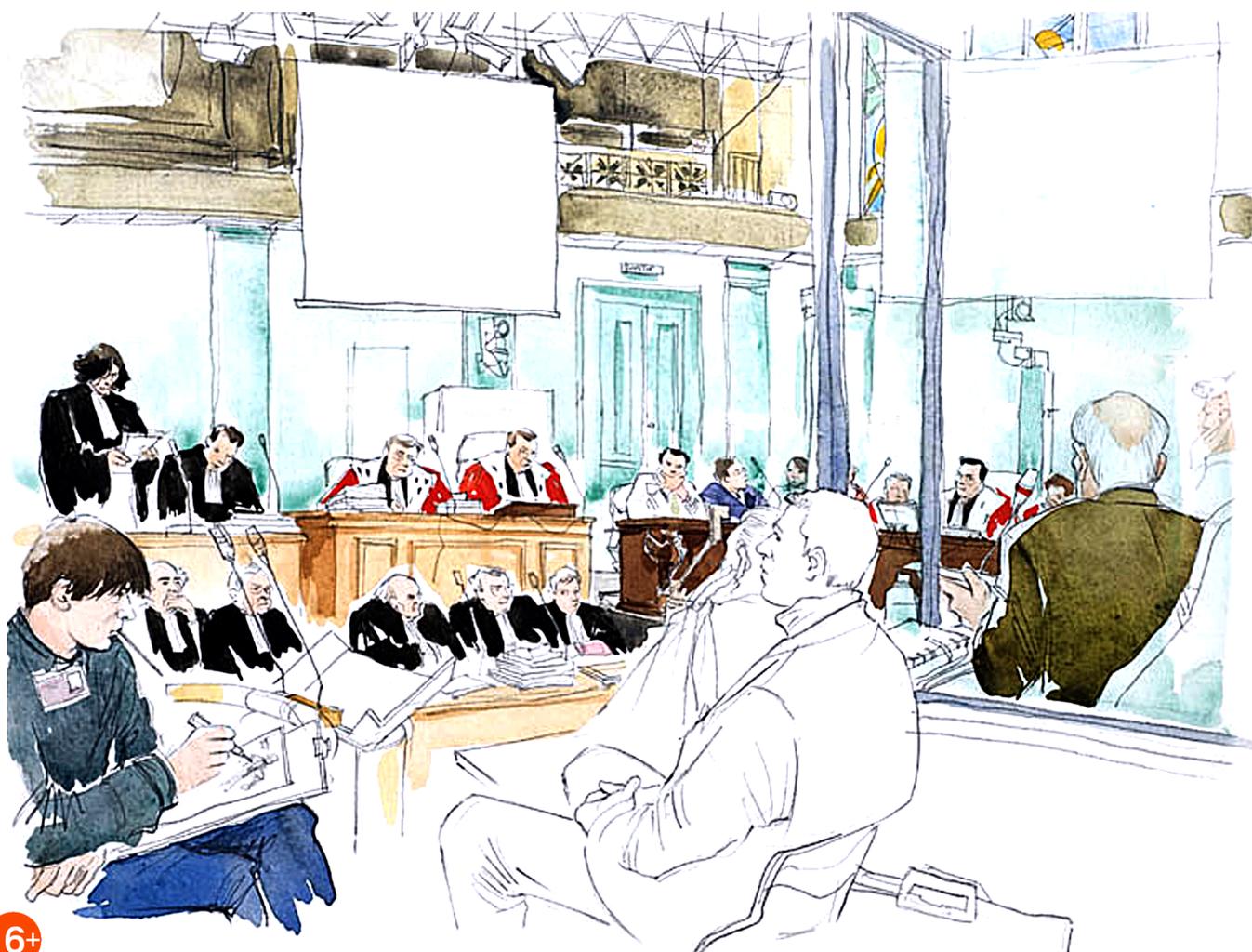

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
Вестник
международный научный журнал

4
2019

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 4 (11) / 2019

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Костенко А.А. Общество и полиция. Взгляд в прошлое	1
--	---

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Мухин И.Д. Проблемы толкования и конкретизации юридических норм	4
Толкачева А.В. Валютный контроль за импортными поставками	6

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Передня В.А. Правовые источники регулирования в сфере защиты персональных данных	10
--	----

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Ибрагимова Д.Т. Рассмотрение дел о понуждении корпорации созвать общее собрание участников	14
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Белоусов Н.В. Коммерческое представительство как юридическая конструкция	17
Похунова Д.А. Проблемы правового регулирования страховых правоотношений	19

АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Кочарян В.Ю. Проблемы, возникающие в ходе процедуры наблюдения в деле о несостоятельности (банкротстве) юридического лица	22
---	----

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Колпаков П.А., Носов А.А. Экстремизм и неоязыческие вероучения: скрытая угроза (на примере Древнерусской англистической церкви православных староверов-инглингов)	25
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Власов В.Л. Спорные вопросы квалификации врачебной ошибки	28
---	----

Власов В.Л. Субъект незаконной банковской деятельности	29
Макарова А.В. Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве: некоторые проблемные аспекты	30
Скороходов А.М. Проблема уклонения от срочной службы в Вооруженных Силах РФ	33
Хорьков С.А., Свиридова Д.А., Ваганов А.В. Понятие и признаки хищения в соответствии с УК РФ	35
Ширгазина А.Л. Причины и условия, способствующие латентности преступности	36
Шмиров Е.В. Противодействие коррупции в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд уголовно-правовыми средствами: отдельные положения законодательной регламентации	39
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	
Косарева Л.А. Причины непризнания и неисполнения решений международных коммерческих арбитражей на территории Российской Федерации	42
Монгуш А.А. К вопросу о статусе частных военных компаний в Российской Федерации	47
Решетников Р.А. Проблема осуществления права на справедливое судебное разбирательство при недостаточном уровне владения языком уголовного судопроизводства в практике Европейского суда по правам человека	48
Филатова К.Д. Особенности правового регулирования договора международной купли-продажи товаров	51
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	
Горева С.А. Особенности института медиации по законодательству США	54

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Общество и полиция. Взгляд в прошлое

Костенко Анна Александровна, аспирант;

Научный руководитель: Телегин Александр Степанович, кандидат юридических наук, профессор
Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье освещается отношение общества к полиции с начала её образования в начале XVIII века до реформ периода 1860–1870 гг. Анализируются основные причины послужившие негативному отношению общества к служащим полиции и непосредственно полиции, как органу государственной власти в целом. Приводятся примеры высказываний видных государственных и общественных деятелей, в отношении полиции.

Ключевые слова: Российская Империя, полиция, обер-полицеймейстер, служащий полиции, общество, охрана общественного порядка, борьба с преступностью

Society and police. A look into the past

A.A. Kostenko, graduate student

Supervisor: A.S. Telegin, Ph.D, professor
Perm State University

The article highlights the attitude of society to the police from the beginning of its formation at the beginning of the XVIII century to the reforms of the period 1860–1870. The main reasons for the negative attitude of society towards the police officers and the police themselves, as the state authority as a whole, are analyzed. Examples of statements by prominent state and public figures regarding the police are given.

Key words: Russian Empire, police, ober-police master, police officer, society, public order, crime control

В первой четверти XVIII в. волей Петра I был создан государственный орган, получивший название «полиция». В понятие «полиция» Пётр I вкладывал широкий смысл. Пётр I называл полицию «душой гражданства». Ведь действительно, охрана порядка является одной из важнейших сторон жизни государства и общества. На протяжении 200 лет полиция неоднократно подвергалась преобразованиям в целях повышения эффективности. Однако решить эту задачу правительству Российской Империи не удалось. На протяжении длительного периода полиция была перегружена многочисленными обязанностями, не относившимися к охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Кроме того, маленькое жалование, малограмотность и низкий моральный уровень служащих полиции, приводили к халатности при выполнении служебных обязанностей, взяточничеству, нарушению закона его служителями и т.д. Это стало причиной отсутствия доверия полиции и привело к непрестижности службы в учреждениях полиции. Поэтому, для полноты исторической картины необходимо показать, каков был взгляд на полицию со стороны, как современники, общественность, простые люди

относились к ней, как оценивали её роль, результаты её деятельности.

Различные мнения о полиции стали появляться с момента её учреждения в начале XVIII в. О Канцелярии полицеймейстерских дел созданной в Санкт-Петербурге в 1718 г. сохранились впечатления иностранцев. Так, прибывший в российскую столицу в свите голштинского принца камер-юнкер Фридрих-Вильгельм Берхгольц в 1721 г. отмечал, что действия полиции, и особенно её руководителя А. Девиера, «внушают здешней черни и вообще всем обывателям города такой страх, что они дрожат при одно его имени» [1]. А посол Пруссии добавлял, что столичная полиция довольно быстро приводит в действие все распоряжения властей, но при этом допускает многочисленные злоупотребления, и среди самих полицейских нередки случаи пьянства [2].

В процессе развития полицейских учреждений оценка их состояния и деятельности становится более массовой и разносторонней. В связи с чем власть была вынуждена признать, что служащие полиции не соответствуют моральным требованиям. В Указе императрицы Анны Ивановны 1730 г., к примеру, отмечалось: «Едва

не все из них штрафованы в прошлом за побеги и кражи, да и ныне состоят в непристойных непотребностях и пьянстве» [3].

Служба в полиции, даже в высоких чинах, для российских дворян была не престижна. Так, князь Я. Шаховской, бывший генерал-полициеймейстером в период правления Анны Ивановны, вспоминал: «В 1740 году обещали меня сделать сенатором, а назначили генерал-полициеймейстером. Но я никогда о таком для меня неавантажном месте не думал» [4].

В начале своего царствования Екатерина II поставила задачу «учредить в государстве хорошую и точную полицию» [5]. Реализуя свой план в «Уставе благочиния, или полицейском» 1782 г., она определила качества, которыми должен был обладать полицейский:

1. Здравый рассудок;
2. Добрая воля в отправлении порученного;
3. Человеколюбие;
4. Верность службе Императорского Величества;
5. Усердие к общему добру;
6. Радение к должности;
7. Честность и бескорыстие.

В том, что «честность и бескорыстие» присущи далеко не всем полицейским служащим, Екатерине пришлось убедиться в первые годы своего царствования. В 1762 г. она утвердила приговор, вынесенный известной помещице Дарье Салтыковой (Салтычихе), осуждённой за истязание и убийство 38 своих крепостных. В процессе следствия выяснилось, что многочисленные жалобы на Салтычиху в московскую Полициеймейстерскую канцелярию оставались без рассмотрения, так как начальник этой канцелярии регулярно получал взятки от помещицы [6].

Наделённая большими правами по отношению к обывателям, вплоть до вмешательства в частную жизнь, полиция России использовала в своей деятельности приёмы, которые нередко вызывали недовольство населения. Это нашло отражение в мемуарной литературе. Вот один из примеров. Московский полицией во времена Екатерины руководил обер-полициеймейстер Н. П. Архаров. Для поддержания порядка он и его подчинённые, не смущаясь, применяли методы, не предусмотренные законом. За это московские полицейские получили прозвище «архаровцы», ставшее синонимом произвола и грубости [7].

Говоря о больших правах полиции, в том числе о праве закрывать топографии, изымать книги, А. Н. Радищев писал, что это может привести к тому, что «один несмысленный урядник может величайший в просвещении сделать вред и на многие лета остановку в шествии разума» [8]. А неизвестный автор, в конце XVIII века издавший книгу очерков о своём путешествии по России, отметил, что «везде крестьяне и простые горожане испытывают страх при виде полицейского» [9].

Недовольство горожан действиями полиции заставило Александра I, вступившего на престол после убийства отца, издать указ «О подтверждении полицейским чиновникам, чтобы они за границы своей деятельности не выходили» [10]. Указ с удовлетворением был принят обществом. В нём говорилось, что полицейские чиновники за «злоупотребления не избегнут наказания». В это же

время Московский генерал-губернатор издал приказ, которым обязал обер-полициеймейстера «... подтвердить всем чиновникам полиции, чтобы они соблюдали благопристойность и во всех случаях имели должное уважение к чинам, летам и званию каждого. Без сего они не произведут к самим себе у порядочных уважения, а у беспорядочных-страха» [11]. Но и это не помогло. Назначенный в начале 1812 г. генерал-губернатором Москвы Ф. В. Ростопчин считал, что «... корпус полицейских офицеров города состоял почти целиком из людей испорченных и негодяев, дурно оплачиваемых, презираемых и с малой надеждой на повышение по службе» [12].

Александр I, чуткий к общественным настроениям, поручил своему генерал-адъютанту Е. Комаровскому подыскивать достойных, пользующихся уважением в обществе людей, способных возглавить полицию крупных городов [13].

По окончании Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии в стране начала развиваться общественно-политическая жизнь. Усилился критический настрой к существовавшим в России порядкам, к деятельности государственных учреждений, и в частности полиции. По замечанию одного из героев войны адмирала П. В. Чичагова, многих подданные Российской империи стали ощущать, что полиция «обременительна для государства» и что самое главное — «стеснительна для граждан» [14].

Попытки усовершенствовать российскую полицию расценивались критически настроенными к существующей власти подданными как неудачные, как проявление «растерянности и непостоянства правительства в управлении государством» [15].

Поэт Ф. Н. Глинка, служивший адъютантом при генерал-губернаторе Санкт-Петербурга и участвовавший в деятельности ранних декабрьских организаций, считал, что надо распространять в обществе сведения о злоупотреблениях полиции, так как это является важным направлением критики существующих порядков [16].

После подавления восстания декабристов новый император Николай I был вынужден признать, что многое из критики деятельности государственного аппарата справедливо. Генерал-адъютант Николая I А. Х. Бенкендорф, участвовавший в следствии по делу декабристов, пришёл к выводу, что «многое доказывает ничтожность нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть» [17].

О состоянии полиции в первой половине XIX в. свидетельствует отчёт, поступивший государю из III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии в 1829 г. В нём отмечалось: «Полиция в губерниях ... в плачевном состоянии, везде, даже под стенами Петербурга, кишит беглецами и бродягами, и особенно их много в Шлиссельбургском округе...».

В 1832 г. в отчёте специально велась речь о столичной полиции. «Все единогласно согласуются в том, что полиция здешняя столь ничтожна, что можно сказать, она не существует. Она не пользуется вовсе ни малейшим уважением жителей, особенно со времени бывших в прошлом году беспорядков... Жалобы на полицию — и,

должно сказать, жалобы правильные-беспрерывны... Несогласие, существующее между военным генерал-губернатором и обер-полицеймейстером, немалую также составляет преграду к успешному ходу дел полиции».

Недовольство состоянием и деятельностью полиции высказывали многие крупные государственные деятели, чьё мнение было авторитетно для общества. Так, М. М. Сперанский, говоря о необходимости реформы полиции, в тоже время признавал, что это трудно сделать в ближайшее время, так как большая часть полицейских служащих малограмотна и не способна достойно выполнять свои обязанности [18].

После значительного усиления сельской полиции, введения института станových приставов в 1837 г. III Отделение отметило заметное «улучшение в земских полициях».

Но рассчитывать на какое-либо улучшение при довольно оригинальном отношении монарха к полиции было трудно. В марте 1848 г., обращаясь к дворянству Санкт-Петербургской губернии, Николай I заявил: «Господа! У меня полиции нет, я не люблю её...». Если какое-то время эти слова передавались устно или в письмах, то в 1883 г. с ними могли познакомиться широкие круги — обращение Николая I было опубликовано в сентябрьском номере популярного журнала «Русская старина» [19].

Главной причиной недостатков, злоупотреблений в деятельности полиции дореформенной России, по мнению многих современников было то, что в ней служили люди с низким моральным уровнем.

В 1958 г. специальная комиссия, созданная по повелению императора Александра II для «обследования состояния полиции», сообщала, что «наделение полиции самыми разнородными обязанностями, происходящими

от смешения судебной, следственной, хозяйственно-распорядительной деятельности», приводит ко многим недостаткам в её работе, и к тому, «что она не может вселять к себе доверия». Такая оценка полиции в верхах не могла не повлиять на смелость критики её в обществе [20].

Для периода общественного подъёма 60-х гг. XIX в. были характерны надежды на то, что реформы очень много исправят в российской жизни. При этом острой критике подвергалось многое из дореформенной России, особенно полиция. Она «... едва ли не сконцентрировала в себе все недостатки нашего дореформенного времени» [21].

Многие полицейские даже в столице не соответствовали не только высоким, но и элементарным требованиям. Когда столичного обер-полицеймейстера Ф. Ф. Трепова спросили: «Как вы держите на службе Н, ведь он же форменный подлец?» — тот ответил: «Э, батенька, в полиции и такие годятся» [22].

Негативное отношение общества к полиции признавалось и руководством Министерства внутренних дел. Министр граф Н. П. Игнатьев в 1881 г. в записке на имя императора Александра III отмечал, что «население уклоняется от всяких сношений с полицией и от сообщения о готовящихся преступлениях или опасных личностях» и далее следует вывод: «... у нас сложился именно неприятный характер отношения обывателя с полицией» [23].

Негативное отношение к полиции значительной части общества можно считать одним из проявлений социально-политической, культурной жизни пореформенной России. В условиях либерализации общественной жизни и ожидания обществом политических реформ полиция рассматривалась многими как «оплот незыблемости самодержавия», «олицетворение реакции» и т. д. [24].

Литература:

1. Дневник камер-юнкера Берхгольца. — М., 1857. — Т. 1. — С. 94.
2. Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб., 1875. — Т. 15. — С. 184.
3. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. 8. — № 4970 (1728–1732 гг.).
4. Записки Я. П. Шаховского. — М., 1877. — С. 22.
5. Записки Екатерины II. — СПб., 1907. — С. 132.
6. Студенкин Г. И. Салтычиха // Русская старина. — 1874. — Т. 10. — № 7. — С. 537.
7. Памятные записки московского купца М. Евреина // русский архив. — 1891. — № 8. — С. 137.
8. Радищев А. Н. Избранные произведения. — М., 1949. — С. 173.
9. Путешествие критики. Сочинения: Памятники русской сатирической публицистики. — М., 1951. — С. 27.
10. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. 26. — № 19799 (1801 г.).
11. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). — Ф. 46. — Оп. 8. — Д. 466.
12. Москва и 1812 год в записках Ростопчина / Пожар Москвы; в 2 ч. — М., 1911. — ч. 2. — С. 25.
13. Записки графа Е. Ф. Комаровского. — М., 1990. — С. 77–83.
14. Записки адмирала П. Чичагова // Русская старина. — 1888. — № 7. — С. 23.
15. Восстание декабристов: Документы; под ред. М. В. Нечкиной. — Т. 14. — М., 1976. — С. 182.
16. Русская старина — 1904. — Т. 2. — С. 512.
17. Русская старина — 1904. — Т. 124. — С. 615.
18. Корф М. жизнь графа М. М. Сперанского; в 2Т. — СПб., 1861. — Т. 1. — С. 217.
19. Российская Империя. История полиции / А. В. Борисов, А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев. — М.: РИПОЛ классик, Де'Либри, 2014. — С. 54.
20. Соловьев Я. Н. Записки // Русская старина. — 1882 г. — № 3. — С. 563.
21. Искра. — 1863. — № 13.
22. Из записок Петербургского полицеймейстера // Исторический вестник. — 1903. — № 3. — С. 491.
23. Записки Министра внутренних дел Н. П. Игнатьева // Источник. — 1995. — № 2.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Проблемы толкования и конкретизации юридических норм

Мухин Илья Дмитриевич, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В статье рассматриваются проблемы толкования и конкретизации юридических норм.

Ключевые слова: *судебный прецедент, судебная практика, Российская Федерация, норма, юридическая наука, прецедент, нормативно-правовой акт, действующее законодательство, суд.*

The article deals with the problems of interpretation and specification of legal norms

Mukhin I.D., graduate student

Russian state university of justice (N. Novgorod)

The article deals with the problems of interpretation and specification of legal norms.

Keywords: *judicial precedent, judicial practice, Russian Federation, norm, legal science, precedent, normative legal act, current legislation, court.*

Проблема соотношения толкования и конкретизации юридических норм не относится к новым и неисследованным в юридической науке. Она привлекает внимание ученых-юристов и в настоящее время. Анализ доктринальных позиций по данной проблеме показал неоднозначность в ее решении. Как справедливо отметил Н. Н. Вопленко, «толкование и конкретизация настолько близкие по смыслу, взаимосвязанные и пересекающиеся понятия и явления правовой жизни, что они всегда будут создавать проблемы для юридической практики» [2]. Такие проблемы усматриваются, в частности, в том, что в правоинтерпретационных актах наряду с разъяснением содержания (смысла) юридических норм устанавливаются не предусмотренные ими общеобязательные правила, а также в том, что содержащиеся в них разъяснения могут не соответствовать действительному смыслу разъясняемых норм. Такая ситуация может возникнуть в том числе и по причине не различия толкования и конкретизации, включения последней в процесс толкования юридических норм. Но так или иначе, законодатель установил возможность оспаривать правоинтерпретационные акты (ч.2 ст. 217.1 КАС РФ), а суду — признавать их недействующими полностью или в части, «если оспариваемый акт полностью или в части не соответствует действительному смыслу разъясняемых им нормативных положений, устанавливает не предусмотренные разъясняемыми нормативными положениями общеобязательные правила,

распространяющиеся на неопределенный круг лиц и рассчитанные на неоднократное применение» (ч.5.ст. 217.1 КАС РФ). К примеру, апелляционным определением Апелляционной коллегии Верховного суда РФ от 6 марта 2018 г. признан не действующим со дня принятия п.8 письма Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 11 января 2016 г. № 01/37–16–29 «О разъяснении отдельных положений Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации» [3].

Не вдаваясь в полемику по вопросу соотношения право толкования и правоконкретизации, отметим, что нами они рассматриваются в качестве, хотя и тесно связанных, но самостоятельных правовых явлений, имеющих практико-прикладное значение. При этом под толкованием мы будем понимать деятельность по уяснению и разъяснению содержания юридических норм, а под конкретизацией — деятельность по преобразованию, переводу абстрактного содержания юридических норм на более конкретный уровень.

Во-первых, необходимо отметить, что объектом и толкования, и конкретизации являются юридические нормы, обладающие, наряду с другими, свойствами общности и абстрактности. Норма права направлена на регулирование общественных отношений. Её объектом выступает определенная группа последних. Конкретные общественные отношения, входящие в эту группу, обладают

множеством своеобразных признаков, но вместе с тем, им присущи и такие черты, которые повторяются в каждом из них., делают их сходными, одинаковыми, равноценными. Такие признаки есть объективно общее для данной группы общественных отношений.

Объективно общее, будучи отражено в содержании нормы права, определяет ее общий характер. Норма обща потому, что содержит в себе признаки, свойственные группе общественных отношений, подвергнутых правовой регламентации, то есть общее в них.

Общее, отраженное в норме права, определяет не только ее общность, но и абстрактность. Абстрактный характер юридической нормы заключается в том, что ее содержание, фиксируя общее (притом — существенно общее), не отражает индивидуальные и не существенные свойства и особенности конкретных общественных отношений, отвлечено от них [4].

Таким образом, норма права обща и абстрактна в силу того, что её содержание составляют лишь общие существенные признаки, присущие определённой группе общественных отношений. Именно поэтому она может быть применима, приложима к любому из конкретных отношений данной группы, а также и к тем, которые могут возникнуть в будущем, если им будут присущи общие черты, характерные для этой группы.

Отмеченное даёт возможность рассматривать норму права в качестве логического понятия о регламентируемой ею определённой группе общественных отношений. И как любое понятие, она имеет свой логический объём и логическое содержание. Объёмом нормы является отражаемая в ней группа (род или вид) общественных отношений, а точнее — их элементы (субъекты, объекты, взаимодействие субъектов по поводу объектов, которое в норме отражено в виде прав и обязанностей таких субъектов). Содержанием же нормы являются общие и существенные признаки данной группы общественных отношений, совокупность которых отличает эту группу от других групп общественных отношений. Иными словами, содержание нормы составляют общие и существенные признаки субъектов, объектов, прав и обязанностей.

Вместе с тем, уровень общности норм и абстрактности их содержания бывает различен. Он зависит

от того, во-первых, насколько широка сфера регулируемых нормой отношений и, во-вторых, насколько поддаются формализованному, эмпирически фиксируемому описанию признаки этих отношений. Следует отметить также, что данной зависимостью обуславливается не только уровень общности и абстрактности правовых норм, но и степень определённости их содержания. Чем больший круг отношений охватывается нормой, тем более обобщённой и отвлечённой становится их характеристика и менее определённым содержание нормы.

Однако, их цели в правовом регулировании различны. Цель толкования состоит, прежде всего, в установлении, раскрытии содержания юридической нормы (общих и существенных признаков субъектов, объектов, прав и обязанностей субъектов). Толкование не сопровождается каким-либо преобразованием содержательной сферы юридической нормы. Целью же конкретизации является создание более конкретных по содержанию и сфере применения правил, что предполагает некоторую переработку (модификацию) юридических норм.

Во-вторых, поскольку толкование и конкретизация юридических норм представляют собой определенные практико-прикладные познавательные процессы, постольку одним из возможных направлений поиска решения вопроса об их соотношении может служить исследование логико-гносеологических механизмов каждого из этих процессов. Это направление исходит из того, что логико-гносеологические особенности различных мыслительных операций, предваряющих и сопровождающих формирование юридических актов, так или иначе накладывают определенный отпечаток и на юридико-регулятивные свойства, возможности тех актов, в которых фиксируются результаты подобных операций.

Определяющим основанием «выбора» логических операций для осуществления толкования и конкретизации являются их цели в правовом регулировании. А возможность использования таких операций обусловлена логической природой юридических норм, которые, как указывалось выше, представляют собой логические понятия о регламентируемых группах общественных отношений.

Литература:

1. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров. — М.: Омега-Л, 2015. — С. 184.
2. Вопленко Н. Н. Понятийные аспекты толкования и конкретизации правовых норм // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. — М.: РГУП, 2015. — С. 116.
3. Решение Верховного Суда РФ от 27.11.2017 N АКПИ17–892 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочные и правовые системы: материалы судебной практики. — Режим доступа: www.consultant.ru. — Дата обращения: 15.05.2019 г.
4. Шмелева Г. Г. Соотношение толкования и конкретизации юридических норм // Аллея науки. — 2017. — № 5. — С. 94.
5. Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы международного симпозиума (Геленджик, 27–29 сентября 2007 года) / Под ред. д. ю. н., проф. В. М. Баранова. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. — С. 355.

Валютный контроль за импортными поставками

Толкачева Анастасия Валентиновна, студент

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

В статье раскрывается понятие валютного контроля как самостоятельной отрасли права. Рассматриваются основные проблемы контроля на основе судебной практики. Делается вывод о необходимости изменения механизма валютного контроля на основе реорганизации органов и агентов валютного контроля.

Актуальность темы обусловлена экономическими, юридическими и социальными причинами. Неоднозначность толкования законодательства в сфере валютного контроля, приводит к серьезным финансовым ущербам, затрагивающим бюджет Российской Федерации. Возникают ситуации, когда часть импортной продукции не поступает на территорию государства, что приводит к ослаблению сектора рыночной экономики страны и нарушению обеспечения товарообмена между странами.

Цель исследования — анализ законодательства в сфере валютного контроля за импортными поставками и выявления существующих проблем.

Понятие валютного контроля рассматривается в различных аспектах и анализируется разными авторами по-своему. С одной стороны, «как административная мера, предпринимаемая государством для защиты финансовой самостоятельности, обеспечения стабильности денежной системы, укрепления курса национальной валюты и мобилизации валютных ресурсов. С другой, как форма нетарифного регулирования внешней торговли, аналогом которой может служить квотирование экспорта» [1, с.62]. Существует позиция, что валютный контроль — это воля государства за соблюдением валютного законодательства [2, с.199]. Авторы рассматривают контроль как вид государственного финансового контроля. Так, «валютный контроль, как и финансовый контроль в целом, осуществляется в целях реализации государственной валютной политики, представляя собой особый вид государственного контроля» [2, с.200]. В свою очередь, с помощью государственного финансового контроля реализуется надзор за полной выполнением обязательств физических и юридических лиц перед страной; осуществляется проверка соблюдения положений финансового законодательства; проводится контроль за целевым и рациональным использованием государственных средств и другое [4, с.41]. В данном случае позиции неоднозначны, но при анализе понятий, можно прийти к единому мнению, что любое определение валютного контроля указывает на непосредственную деятельность государства и государственных органов в данной сфере. Практически, деятельность органов валютного контроля сводится к соблюдению валютного законодательства и выявлению валютных правонарушений.

Считаем, что нельзя согласиться с позицией тех авторов, которые сопоставляют валютный и финансовый контроль, так как валютный контроль обладает собственным предметом, методом, специальными задачами и целями, особым кругом субъектов и объектов,

что позволяет рассматривать его как самостоятельную отрасль права. Рассмотрим каждый из названных элементов подробнее.

«Предмет валютного контроля — валютные операции [3, с.26].

Субъекты валютного контроля делятся на две группы — это государственные органы (органы валютного контроля) и агенты валютного контроля.

Под объектами валютного контроля понимаются «те юридические и физические лица, действия которых в валютной сфере (валютные операции) являются предметом валютного контроля» [3, с.36].

Цель валютного контроля — «обеспечение режима законности в сфере валютных отношений» [3, с.39].

Что касается задач валютного контроля, то можно выделить четыре основных направления: «1 определение ответственности валютных операций законодательству и наличия лицензий и разрешений, 2 проверка выполнения резидентами обязательств в иностранной валюте перед государством, а также обязательств по продаже иностранной валюты на внутреннем рынке, 3 проверка обоснованности валютных платежей, 4 проверка полноты и объективности учета и отчетности по валютным операциям» [3, с.40–41].

При анализе статьи 23 федерального закона о валютном регулировании и валютном контроле [5], можно сделать вывод об использовании органами и агентами валютного контроля таких методов, как проверка и запрос. Проверка направлена на установление соблюдения «резидентами и нерезидентами» валютного законодательства Российской Федерации и отчетности, представляемой «резидентами и нерезидентами» по совершенным сделкам. В свою очередь запрос представляет собой требование документов и информации органами и агентами валютного контроля для выявления нарушений в сфере валютного законодательства и их устранения.

На основе анализа судебной практики применения валютного законодательства при осуществлении валютного контроля за импортными поставками можно выделить следующие проблемы:

Во-первых, следует обратить внимание на одно из самых распространенных оснований для привлечения к административной ответственности — не соблюдение резидентами сроков, предусмотренных ч.5 ст. 15.25 КоАП, для возврата в Российскую Федерацию денежных средств за не ввезенный товар [6]. Согласно ч.1 ст. 19 закона о валютном регулировании [5], норма, предусматривающая репатриацию валютной выручки, носит императивный характер, что осложняет взаимоотношения между

участниками внешнеторгового контракта и зачастую приводит к пробелам в регулировании государственными органами (в частности таможенными органами) исполнения контракта сторонами. На практике, стороны, устанавливая сжатые сроки исполнения обязательств по контракту, в дальнейшем заключают дополнительные соглашения с измененными сроками, при этом во всех случаях покупатель выплачивал 100 % предоплату товара [7], [8], [9], при этом оплата партии товара осуществлялась, а ввоз товара, в том объеме, который установлен паспортом сделки и контрактом нет. Общество (покупатель) не обеспечивало возврат денежных средств.

Можно сделать вывод, что стороны контракта в своих интересах, при наступлении сроков, предусмотренных контрактом, заключая дополнительные соглашения на продление сроков, вступают в противоречие со статьей 19 закона о валютном регулировании [5]. При этом, во всех рассмотренных делах [7], [8], [9] таможенные органы выносили постановление по делу об административном правонарушении, суд признавал действия таможенников правомерными и назначал наказание в виде административного штрафа в размере трех четвертей суммы денежных средств по ч.5 ст. 15.25 КоАП [6]. Как правило, юридическое лицо не подтверждало факта отсутствия вины, при этом, сроки, указанные сторонами в контракте носят абстрактный характер [10]. Зачастую, указывается месяц, без конкретной даты или оплаты товара и срока действия контракта, без отдельных операций по импорту товара, что приводит к выводу об отсутствии возможности для осуществления контроля со стороны органов валютного контроля за совершением отдельных операций и расчетов по контракту.

Во-вторых, практика основывается на нарушениях пункта 3.8 Инструкции № 138-И [11], Инструкции Банка России от 16.08.2017 № 181-И [12] при заключении контракта на поставку товара и дополнительных соглашений, юридическое лицо — резидент открывает в уполномоченном банке паспорт сделки, но справку о валютных операциях и документы о поступлении и списании с расчетного счета валюты по контракту [13], [14], [15] предоставляет за часть поставки или полную поставку в сроках превышающих 15 рабочих дней с даты зачисления валюты [11].

Таким образом, возникает проблема, связанная с деятельностью органов валютного контроля, описанная выше, когда стороны контракта сознательно продлевают срок, при этом предусматривая 100 % оплаты поставки товара, в том случае, если оплачен товар, но ввоз осуществлен только части партии, возникает вопрос, следует ли предоставлять справку о валютных операциях, если списанная с расчетного счета сумма за недопоставленный товар должна быть возвращена резиденту. Необходимо так же отметить, что сложность процедуры предоставления справок, порождает факт задержки в выполнении резидентами своих обязательств.

Дополнительную проблему создает деление органов на органы и агентов валютного контроля. В связи с тем, что таможенные органы как агенты валютного контроля не связаны с деятельностью уполномоченных банков,

а уполномоченные банки напрямую взаимосвязаны с органом валютного контроля Центральным банком, возникают сложности в контроле за информацией, которую предоставляют резиденты в уполномоченные банки. Общество (резидент) регистрирует паспорт сделки в уполномоченном банке и предоставляет соответствующие документы и выписки с информацией об оплате товара, движению валютной выручки. Сущность банковского контроля составляет обнаружение ошибок при перечислении денежных средств на валютный счет общества (заявителя) в уполномоченном банке. Таможенные органы, не взаимодействуя с уполномоченными банками, совершают ошибки при вынесении постановления о привлечении к административной ответственности в тех случаях, когда общество (резидент), выступая в роли покупателя, осуществляя множество операций по валютному счету с получением и возвратом валютных средств закрывает паспорт сделки, при этом таможенные органы, не отслеживая конечную операцию общества, ошибочно учитывают платежи в адрес покупателя товара и приравнивают их к суммам, которые были возвращены на счет заявителя — продавца [15]. Дополнительно, трудность создают ситуации, когда общество, воспользовавшись своим правом [16] делегирует полномочия по оформлению справок, документов по валютному счету уполномоченному банку, таким образом, если сторонами контракта подписывались дополнительные соглашения, банк должен внести изменения в справку и паспорт сделки. При этом ответственность за нарушение сроков предоставления информации о сделке общество в данном случае не несет, таможенные органы ошибочно выносят постановление о привлечении к административной ответственности без должного взаимодействия с уполномоченными банками.

Можно сделать вывод о том, что система работы органов и агентов валютного контроля несовершенна, как и механизм валютного контроля за импортными поставками в целом. Требуется системный подход к структурированию не только организации работы государственных органов по осуществлению валютного контроля, но и внесение изменений в нормативно-правовые акты, с целью упорядочивания работы по борьбе с легализацией отмывания денежных средств и предотвращением увеличения количества заключения фиктивных сделок между субъектами валютного законодательства.

Сложность в реализации законодательных норм видится в неэффективной работе органов и механизма валютного контроля. Валютное законодательство строго регламентирует меры ответственности за совершение валютных правонарушений, но при анализе судебной практики выявляются проблемы контроля за исполнением совершения сделок резидентами и нерезидентами. Таким образом, важная функция агентов валютного контроля по обеспечению предотвращения совершения валютных правонарушений не достигается и в отдельной части, нормы законодательства по предотвращению правонарушений в области валютного законодательства и само применение мер ответственности за совершение правонарушений противоречат друг другу. Фактически, законодатель не искореняет проблему заключения фиктивных

импортных сделок, а предусматривает меры по восполнению понесенного ущерба.

В процессе изучения деятельности государственных органов по осуществлению валютного контроля и их взаимодействия с субъектами, осуществляющими сделки с валютными операциями, на примере анализа судебной практики, были обнаружены проблемы, связанные с нарушением обязательств по репатриации резидентами валюты в установленные законодательством сроки, за счет продления конечных сроков завершения расчетов. Выявлены проблемы, связанные с оформлением и предоставлением резидентами документации уполномоченным банкам по совершенным валютным операциям, в частности, если в контракт неоднократно вносились изменения, то данный факт может явиться одной из причин возникновения дополнительной проблемы — созданию определенной сложности в ходе сотрудничества между таможенными органами и уполномоченными банками. Данная проблема является ключевой в вопросе осуществления валютного контроля, так как согласно федеральному закону о валютном регулировании и валютном контроле [5] деятельность агентов и органов валютного контроля взаимосвязана, лишь при сотрудничестве данных структур возможно выявление и устранение нарушений законодательства на начальных этапах совершения правонарушения и, соответственно, становления эффективного механизма валютного контроля.

Дополнительно, можно прийти к выводу о не автоматизированном подходе к переходу органами и агентами

валютного контроля к единой электронной системе регистрации и отслеживания совершения всех валютных операций, и заключению импортных сделок резидентами и нерезидентами, что в значительной степени затрудняет работу таможенных органов, в частности, нагружает дополнительными операциями по обращению в уполномоченные банки за получением информации по совершению импортных сделок резидентами и нерезидентами. В данном случае, устранение лишних действий таможенных органов и возможность резидентов и нерезидентов взаимодействовать с органами и агентами валютного контроля, избегая большого количества письменных документов, позволило бы упростить контроль за импортными поставками и повысить эффективность валютного контроля.

Таким образом, решение данных проблем видится в совершенствовании нормативной базы в части создания единого органа валютного контроля и наделения таможенных органов статусом органов валютного контроля, для расширения полномочий данной структуры по устранению и выявлению валютных правонарушений; создание комплексной системы государственного валютного контроля за импортными поставками, с помощью введения современных информационных технологий и ужесточения мер ответственности за нарушение валютного законодательства; устранение противоречий между фактическим исполнением обязанностей резидентами и нерезидентами, предусмотренных законодательством и предписанным поведением.

Литература:

1. Крашенинникова В. М. Валютное регулирование и валютный контроль: учеб. пособие / В. М. Крашенинникова. — М.: Экон. 2005. — 400 с.
2. Валютное право: учебник для академического бакалавриата / Ю. А. Крохина [и др.]; под ред. Ю. А. Крохиной. — 6-е изд., пер. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 399 с.
3. Хаменушко И. В. Валютный контроль в Российской Федерации: учеб.-практ. пособие / И. В. Хаменушко. — М.: ИД ФБК — ПРЕСС, 2001. — 480 с.
4. Пирогова А. В. Роль валютного контроля в системе государственного финансового контроля и оценка его результативности в Российской Федерации / А. В. Пирогова // Известия Байкальского государственного университета. — 2014. — № 4 (96). С. 40–50.
5. О валютном регулировании и валютном контроле: федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 3 августа 2018 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». — Режим доступа: <http://base.garant.ru/12133556/>
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 11.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2018) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
7. О нарушении валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования. Решение Арбитражного суда Республики Хакасия от 17 мая 2018 г. по делу № А74–2434/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/6SfmuPzdtuK/>
8. О нарушении валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2018 г. по делу № А32–31807/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <http://sudact.ru/vsrf/doc/daCVqDDERcl8/>
9. О нарушении валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования. Решение Арбитражного суда Курской области от 23 мая 2018 г. по делу № А35–1503/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/aRODT3q92HUP/>
10. О нарушении валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования. Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 7 мая 2018 г. по делу № А27–4749/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/tgvL7ITjFoT/>

11. О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам документов и информации, связанных с проведением валютных операций, порядке оформления паспортов сделок, а также порядке учета уполномоченными банками валютных операций и контроля за их проведением: Инструкции Банка России от 04.06.2012 № 138-И (ред. от 25.04.2017) (Зарегистрировано в Минюсте России 03.08.2012 № 25103) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». — Режим доступа: <http://base.garant.ru/70212146/#friends>
12. О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления: Инструкции Банка России от 16.08.2017 № 181-И (ред. от 29.11.2017) (Зарегистрировано в Минюсте России 31.10.2017 № 48749) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282089/
13. О нарушении валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования. Решение Арбитражного суда Кировской области от 12 апреля 2018 г. по делу № А28—1843/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/2K1HrFR8TXgT/>
14. О нарушении валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования. Решение Арбитражного суда Калининградской области от 24 мая 2018 г. по делу № А21—3355/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/WatDw6Sr8pdT/>
15. О нарушении валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования. Решение Арбитражного суда Забайкальского края от 28 мая 2018 г. по делу № А78—16956/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/OnQHaPLooZma/>
16. О нарушении валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21 мая 2018 г. по делу № А56—25799/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/3VcqZUHveXWu/>

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Правовые источники регулирования в сфере защиты персональных данных

Передня Вячеслав Александрович, соискатель
Московский технический университет связи и информатики

В законодательстве Российской Федерации в области защиты персональных данных закреплены все общепризнанные принципы обработки персональных данных с учетом общеевропейских принципов. Одной из главных целей в дальнейшем развитии законодательства Российской Федерации в области защиты персональных данных является, несомненно, принятие решения вопроса защиты персональных данных субъекта в связи с реализацией основного законодательного принципа свободы получать, обрабатывать, искать, передавать и распространять информацию.

Ключевые слова: защита персональных данных, международное право, Конституция Российской Федерации, нормативно-правовые акты Российской Федерации.

Legal regulation of the sources in the field of personal data protection

Perednya Vyacheslav Alexandrovich, applicant
Moscow Technical University of Communications and Informatics

In the Russian legislation in the field of personal data protection enshrined all the generally recognized principles of personal data processing taking into account the common European principles. One of the main objectives in the further development of the Russian Federation in the field of personal data protection is undoubtedly the adoption of the decision on the protection of personal data subject in relation with the implementation of the basic legal principle of freedom to receive, process, search, share and disseminate information.

Keywords: protection of personal data, international law, Russian Federation Constitution, legal acts of the Russian Federation.

Правовое регулирование в сфере защиты персональных данных в Российской Федерации является одной из актуальных проблем правовой науки и практики. Классификация заключается в том, что необходимо создание правового механизма защиты персональных данных, учитывающего в равной степени публично-правовой интерес, как государства, так и общества в целом.

Институт защиты персональных данных имеет довольно долгую историю становления и правового оформления. Первоначально в российской системе права этот институт складывался стихийно лишь постольку, поскольку он являлся частью каких-либо иных общественных отношении, ставших предметом правового регулирования. Поэтому не было ни единого термина, обозначающего данный институт, ни определения, раскрывающего его суть [4]. Вопросы защиты персональных данных фрагментарно регулировались в основном отраслевым законодательством, а именно в уголовном,

административном, гражданском и т.д. Естественно, что в отсутствие единого законодательного акта, регулирующего вопросы защиты персональных данных, правовое регулирование в этой сфере было не полным и не всегда согласованным.

Нормативное регулирование в области защиты персональных данных в странах ЕС, значительно преуспевало российскую нормотворческую практику как в полноте регулирования, так и в его качестве. Самое первое законодательство в области защиты персональных данных появилось в странах Европы еще в 80-х годах прошлого столетия.

В настоящее время систему источников правового регулирования в области защиты персональных данных можно представить в следующем виде.

Акты международного права заложили основу для появления соответствующего российского законодательства. Эти акты занимают в системе источников особое место, потому что процессы экономического пространства

и появления единого информационного пространства требуют создания единых основ правового регулирования в информационной среде. основополагающим актом является Окинавская хартия, принятая 22 июня 2000 года руководителями «Большой восьмерки» и т. д. [3]. В этом документе определены основы взаимодействия правительств и гражданского общества стран в условиях информационного общества.

Указанная хартия, положения которой были приняты государствами-членами «Большой восьмерки» и ЕС, указывает, в том числе, на необходимость развития эффективного и значимого механизма защиты частной жизни, в том числе, при обработке персональных данных.

В этой связи вопросы укрепления доверия и безопасности между участниками информационных процессов, в том числе, в рамках взаимодействия государства и субъекта, выходят на первый план и являются одной из основных предпосылок становления информационного общества.

Основным источником правового регулирования отношений, связанных непосредственно с защитой персональных данных, является Конвенция о защите личности при автоматизированной обработке персональных данных и Дополнительный протокол о защите личности при автоматизированной обработке персональных данных [1], касающийся надзорных органов и трансграничных потоков данных.

Конституция РФ [2] содержит два основополагающих принципа: право на неприкосновенность частной жизни, семейную и личную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право на тайну переписки и иных сообщений, а также право свободно искать, получать, передавать, распространять и производить информацию. При этом сбор, хранение, использование информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

В законодательстве Российской Федерации в области защиты персональных данных закреплены все общепризнанные принципы обработки персональных данных с учетом общеевропейских принципов [13]:

- законности способов и целей обработки персональных данных и добросовестности;
- соответствия целей обработки персональных данных целям, заранее определенным и заявленным при сборе персональных данных;
- соответствия характера и объема обрабатываемых персональных данных;
- подлинности и полноты объема данных, необходимых для целей обработки персональных данных, а также невозможности получения сведений (персональных данных), более чем являющихся необходимым по отношению к целям, заявленным при обработке персональных данных;
- недопустимости интеграции несовместимых баз данных информационных систем персональных данных между собой, которые носят разные цели.

Среди иных законодательных актов Российской Федерации следует назвать, прежде всего, законодательный акт в области информации, информационных технологий и защиты информации [12].

Данный акт заложил правовую основу и платформу для реализации информационных правоотношений в России. Акт закрепил за собой основные принципы реализации прав на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применение информационных технологий и защиты информации. Данным актом устанавливается запрет требовать от субъекта передачи информации о его частной жизни, в том числе сведения, составляющие его семейную и личную тайну, а также запрет получения информации против воли самого субъекта, если иное не установлено законодательством Российской Федерации.

Среди подзаконных актов следует, прежде всего, отметить Указ Президента Российской Федерации от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера», согласно которому персональные данные субъекта относятся к сведениям конфиденциального характера [10].

В соответствии с Планом подготовки проектов нормативных актов, необходимых для реализации Федерального закона «О персональных данных», утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации 15.08.2007 № 1055 [9], было принято несколько постановлений Правительства и нормативных актов уполномоченных федеральных органов исполнительной власти по отдельным вопросам в сфере обработки персональных данных.

Кроме того, существует еще несколько подзаконных нормативных документов в рассматриваемой области:

1) требования к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных [5].

В частности, в указанном документе, функции по контролю соблюдения требований безопасности теперь осуществляются оператором самостоятельно либо с привлечением на договорной основе негосударственной организации, имеющей лицензию на осуществление деятельности по технической защите конфиденциальной информации, выдаваемой ФСТЭК России.

2) положение об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации [6].

Данный правовой акт предусматривает особенности организации обработки персональных данных и меры по обеспечению защищенности персональных данных при их обороте, осуществляемой без использования средств автоматизации.

3) требования к биометрическим персональным данным (материальным носителям) и технологиям хранения персональных данных вне информационных систем персональных данных [8].

Данные требования применяются при использовании материальных носителей, на которые осуществляется запись биометрических персональных данных, а также при хранении биометрических персональных данных вне информационных систем персональных данных.

В данных требованиях под материальным носителем понимается носитель информации, на котором осуществляются хранение и запись информации, составляющих

физиологические особенности человека и на основе которых можно его идентифицировать.

Также Президентом Российской Федерации было утверждено положение о персональных данных государственного гражданского служащего, которое регулирует порядок работы с персональными данными государственных гражданских служащих [11].

Таким образом, на начальном этапе Российской Федерацией были приняты исчерпывающие меры по созданию национальной системы законодательства в области персональных данных.

Сфера персональных данных является динамично развивающейся областью и одним из критериев эффективности защиты прав и законных интересов граждан в условиях изменяющейся среды является актуальность действующей нормативной правовой базы, ее соответствие международным и общеевропейским актам.

В июле 2011 года в Федеральный закон о персональных данных были внесены изменения, которые коснулись сферы действия Федерального закона, используемых в нем основных понятий, принципов и условий обработки персональных данных.

Внесение данных изменений было обусловлено поручением Президента Российской Федерации от 31.05.2011 в части завершения процедуры приведения законодательства Российской Федерации в соответствие с требованиями Конвенции.

В целях подготовки предложений по внесению изменений и дополнений в законодательный акт Российской Федерации в области персональных данных была создана рабочая группа по совершенствованию и гармонизации законодательства в сфере персональных данных, в состав которой вошли представители федеральных органов исполнительной власти и общественность.

В рамках работы и деятельности рабочей группы был подготовлен ряд предложений о внесении изменений в законодательство Российской Федерации в области персональных данных.

Данные изменения позволили четко разграничить полномочия между уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных, ФСБ и ФСТЭК России, как органов, занимающихся техническими мерами защиты информации, в том числе персональных данных.

Кроме того, на Правительство Российской Федерации были возложены полномочия по установлению уровней защищенности персональных данных при их обороте в информационных системах персональных данных, требований к их защите, к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям их хранения вне информационных систем, а также ряд других.

В рамках внесенных изменений в законодательный акт Российской Федерации в области персональных данных

Правительством Российской Федерации был утвержден перечень нормативных актов, необходимых для реализации Федерального закона о персональных данных.

Правительством Российской Федерации был разработан и принят перечень мер, направленных на обеспечение выполнения требований Федерального закона о персональных данных и принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов операторами, являющимися государственными и муниципальными органами [7].

Согласно данному перечню мер на государственные и муниципальные органы возложена обязанность осуществлять обезличивание персональных данных, обрабатываемых в информационных системах персональных данных, в том числе, созданных и функционирующих в рамках федеральных целевых программ, что существенно позволит снизить затраты для операторов на защиту информационной системы персональных данных и минимизировать риски нарушения прав и законных интересов граждан в случае утечки сведений персонального характера из такой информационной системы.

Помимо наличия законодательства Российской Федерации в области персональных данных одним из важнейших факторов эффективной защиты персональных данных субъектов является наличие средств правовой защиты и санкций в случае нарушения норм законодательства Российской Федерации в области персональных данных.

Законодательством Российской Федерации для субъектов предусмотрены такие возможности защиты своих прав как самостоятельно обращаться в суд общей юрисдикции, так и в уполномоченный орган по защите субъектов персональных данных.

Также к источникам толкования относятся иные подзаконные нормативные акты, акты органов исполнительной власти, акты локального регулирования, а также документы высших судебных органов.

Поскольку, согласно Конституции Российской Федерации, информация и связь относятся к исключительным предметам ведения Российской Федерации, то субъекты Российской Федерации не вправе принимать соответствующее законодательство и подзаконные акты.

Кроме того, несмотря на то, что уже сформирован значительный массив законодательства и подзаконных актов, нормотворческая деятельность в этой сфере продолжается [4].

Так на официальном сайте Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации была опубликована новость, что вопросами защиты персональных данных россиян займется рабочая группа [14], которая будет готовить конкретные шаги (на законодательном уровне) по защите персональных данных россиян.

Литература:

1. Дополнительный протокол к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, о наблюдательных органах и трансграничной передаче информации от 8 ноября 2001 г. ETS № 181 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru>.

2. Конституция Российской Федерации 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Окинавская Хартия, 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
4. Петрыкина Н. И. Персональные данные личности: учеб. Пособие / Н. И. Петрыкина. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. административного и финансового права. — М.: МГИМО-Университет, 2012.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 05.11.2012. — № 45. — Ст. 6257.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2008 г. № 687 «Об утверждении Положения об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации» // Собрание законодательства РФ. — 22.09.2008. — № 38. — Ст. 4320.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 марта 2012 г. № 211 «Об утверждении перечня мер, направленных на обеспечение выполнения обязанностей, предусмотренных Федеральным законом «О персональных данных» и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, операторами, являющимися государственными или муниципальными органами» // Собрание законодательства РФ. — 02.04.2012. — № 14. — Ст. 1626.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 июля 2008 г. № 512 «Об утверждении требований к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 14.07.2008. — № 28. — Ст. 3384.
9. Распоряжение Правительства РФ от 15 августа 2007 г. № 1055-р «О плане подготовки проектов нормативных актов, необходимых для реализации Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 20.08.2007. — № 34. — Ст. 4277.
10. Указ Президента Российской Федерации от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» // Собрание законодательства РФ. — 10.03.1997. — № 10. — Ст. 1127.
11. Указ Президента РФ от 30 мая 2005 г. № 609 «Об утверждении Положения о персональных данных государственного гражданского служащего Российской Федерации и ведении его личного дела» // Собрание законодательства РФ. — 06.06.2005. — № 2. — Ст. 2242.
12. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
13. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
14. Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/45016/> (дата обращения: 21.05.2019).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Рассмотрение дел о понуждении корпорации созвать общее собрание участников

Ибрагимова Дарья Тимуровна, студент магистратуры
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Ключевые слова: юридическое лицо, общее собрание участников, арбитражный суд, созыв, внеочередное общее собрание, понуждение к созыву

Отдельная категория корпоративных споров — это дела о понуждении юридического лица созвать общее собрание участников. Данному вопросу законодатель посвящает статью 225.7 АПК РФ, что свидетельствует об особом его внимании к указанной проблеме [1, с. 308].

До 2009 года (то есть до внесения изменений в АПК РФ) при отказе совета директоров созвать внеочередное общее собрание (либо принятии решения о его созыве) органы и лица, требующие его созыва, обладали правом самостоятельного созыва общего собрания [2]. Однако указанная мера защиты прав акционеров приводила на практике к многочисленным злоупотреблениям. С внесением изменений в арбитражное процессуальное законодательство появился механизм предварительного судебного контроля за правомерностью требований лиц о созыве общего собрания участников [3, с. 888]. Вместе с тем данный механизм реализован пока только в отношении акционерных обществ, причем изначально планировалось внести данные дополнения в АПК РФ только применительно к созыву общего собрания акционеров [4]. Полагаем, что в будущем возможно распространение механизма судебного понуждения к созыву общего собрания в отношении всех коммерческих корпораций.

При этом каждое нарушение процедуры созыва общего собрания оценивается судом на предмет существенности нарушения.

Так, например, созыв годового общего собрания акционеров (с целью обеспечения нормальной деятельности общества) лицом, срок полномочий которого как единоличного исполнительного органа общества истек, и при отсутствии в обществе избранного совета директоров (наблюдательного совета) арбитражные суды не признали существенным нарушением [5]. В другом случае Верховный Суд РФ счел, что отсутствие доказательств уведомления акционеров и невручение им бюллетеней для голосования, является существенным нарушением порядка созыва общего собрания, при этом не имеет правового значения количество акций уведомленных акционеров. Верховный Суд особо подчеркнул, что право

на участие в принятии решений, связанных с управлением обществом, принадлежит всем акционерам общества независимо от того, каким количеством акций они владеют [6].

А) Случаи обращения в суд с иском о понуждении корпорации созвать общее собрание участников.

Во-первых, это требование о созыве внеочередного общего собрания акционеров. Право на такой иск имеют только те участники и органы общества, которым законодательством предоставлена возможность требовать созыва внеочередного собрания, при наличии отказа в проведении собрания или уклонения от рассмотрения требования со стороны уполномоченного органа организации. При рассмотрении дела суд оценивает правомерность заявленного в общество требования о созыве общего собрания, соблюдения порядка его предъявления. Если оснований для отказа в требовании о созыве собрания не было, а решение о проведении такого собрания корпорацией не принято, суд удовлетворяет исковые требования, обязывая общество провести общее собрание по вопросам повестки дня, предложенным в первоначальном требовании. Напротив, при наличии оснований для отказа в проведении собрания, в том числе, если требование о созыве заявлено неуполномоченным лицом или органом, или же нарушен порядок предъявления требования, в удовлетворении иска о понуждении к созыву будет отказано.

Во-вторых, на основании судебного решения также может быть проведено годовое общее собрание акционеров. Если годовое общее собрание не было созвано и проведено в установленные законом сроки, компетентные органы, а также каждый из акционеров имеет право обратиться в суд с иском о понуждении созвать общее собрание [7, с. 225]. В отличие от не проведения внеочередного общего собрания участников, уклонение от созыва годового собрания затрагивает интересы каждого участника корпорации.

Б) Решение суда о понуждении созвать общее собрание.

В силу ч. 9 ст. 55 Закона об Акционерных обществах в решении суда о понуждении общества о проведении внеочередное общее собрание акционеров указываются сроки и порядок его проведения. Исполнение решения суда возлагается на истца либо по его ходатайству на орган общества или иное лицо обязательно при условии их согласия [8]. При этом закон не допускает возложение исполнения судебного решения орган, неправомерно отказавший или уклонившийся от созыва, до обращения в суд, чему дается соответствующая оценка в решении о понуждении проведения собрания. Дискуссионным при этом остается вопрос, как именно суд должен определить порядок проведения общего собрания. Представляются возможным два варианта:

А) В исковом заявлении истец предлагает вопросы повестки дня, порядок созыва и проведения общего собрания. Суд по результатам рассмотрения дела соглашается с предложенным либо прописывает в решении надлежащий по мнению суда порядок. Однако, в реализации этого варианта видится, как минимум, две проблемы. Во-первых, если истец на этапе предъявления иска не предложил порядка проведения общего собрания, каковыми должны быть действия суда? Будет ли исковое заявление обездвижено? Должен ли суд по собственной инициативе в резолютивной части решения прописать порядок проведения общего собрания? На наш взгляд, подобное будет прямо противоречить как ч. 1 ст. 49 АПК РФ, так и позиции Верховного Суда РФ, многократно им высказанной [9], [10] и гласящей, что суд не вправе выходить за пределы заявленных требований. Во-вторых, действующим законодательством, а именно Законом об Акционерных обществах установлен порядок созыва и проведения общего собрания. Поскольку согласно ч. 9 ст. 55 Закона об Акционерных обществах лицо, на которое суд возлагает обязанность по созыву общего собрания, обладает всеми полномочиями, необходимыми для созыва и проведения этого собрания, полагаем нецелесообразным суду прописывать порядок проведения общего собрания в решении.

Б) Потому куда более логичным представляется суду при вынесении решения определить лицо (орган), обязанный провести общее собрание, срок его проведения, а также вопросы, включенные в повестку дня. Таким образом, суд не станет подменять орган управления юридического лица, а также не выйдет за пределы заявленных исковых требований.

В) Стороны.

Истцами по делу о понуждении созвать общее собрание являются участники корпорации. Также с данным иском могут обратиться ее органы, которые субъектами права не являются [11, с. 182]. Интерес органов на обращение с требованием о созыве общего собрания, а в последующем на обращение с иском о понуждении, обусловлен их функциями с учетом организационной структуры корпорации. Как отмечает Д. В. Бурачевский, «возможность органов на обращение с рассматриваемым

требованием основана на правоспособности самого юридического лица. В конечном итоге данным иском защищаются права и интересы самого юридического лица и его участников» [7, с. 90]. Ответчиком по требованию участника юридического лица (органа юридического лица) о понуждении является само юридическое лицо. Рассматриваемая категория дел является одним из установленных законом случаев, когда полномочия органа юридического лица передаются участнику юридического лица или другому органу. Поэтому действия участника (а равно органа) юридического лица по созыву и проведению общего собрания участников являются действиями самого юридического лица. Решение, принятое на таком собрании, является решением органа юридического лица, и, соответственно, может быть обжаловано в судебном порядке по требованию участников исходя из установленных законом оснований. Ответчиком по иску участников о признании недействительным решения, принятого на таком собрании, также будет являться само юридическое лицо.

Г) Сроки.

В связи с необходимостью скорейшей реализации прав лиц на участие в управлении корпорацией, обеспечения интересов самой корпорации на своевременное принятие решения, что для участников корпоративных отношений имеет зачастую решающее значение, законодатель установил сокращенный срок рассмотрения данных дел в первой инстанции, возможность немедленного исполнения по ним решений, сокращенные сроки обжалования выносимых по ним судебных актов. Так дела о понуждении созвать общее собрание рассматриваются в срок, не превышающий месяца со дня поступления искового заявления в арбитражный суд, включая срок на подготовку дела к судебному разбирательству и принятие решения по делу. Частью 3 ст. 225.7 предусмотрено специальное правило, согласно которому решение суда о понуждении подлежит немедленному исполнению до вступления его в законную силу. Исполнение решения должно осуществляться действиями по подготовке и проведению общего собрания участников. Частью 4 ст. 225.7 установлены сокращенные сроки обжалования решения, а именно: десять дней со дня его принятия, в отличие от общего срока для обжалования в порядке апелляционного производства, составляющего один месяц (ч. 1 ст. 259 АПК). Решение суда по данной категории дел вступает в законную силу по истечении десяти дней со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба (ч. ч. 1, 3 ст. 180 АПК). Также АПК в ч. 5 ст. 225.7 установлен сокращенный срок обжалования постановлений арбитражного суда апелляционной инстанции по результатам рассмотрения апелляционной жалобы на решение, вынесенное по делу о понуждении корпорации созвать общее собрание участников, который составляет десять дней со дня его принятия, в отличие от общего срока, составляющего два месяца (ч. 1 ст. 276 АПК).

Литература:

1. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / под ред. А. В. Габова. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. Т. 2. 352 с.
2. Об акционерных обществах: федер. закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ // Рос. газ. 1995. № 248. (ред. от 15.04.2019).
3. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 1152 с.
4. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования механизмов разрешения корпоративных конфликтов): проект Федерального закона № 384664-4 принятый Государственной Думой Феерального Собрания Российской Федерации в I чтении 06.04.2007.
5. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 11.10.2011 по делу № А48-3882/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 по делу № 308-ЭС14-1226, А25-304/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.
7. Бурачевский Д. В. Процессуальные средства защиты прав акционеров в арбитражном суде / науч. ред. В. В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 303 с.
8. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 18.03.2010 № Ф09-1680/10-С6 по делу № А50-36549/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.
9. Постановление Президиума Верховного Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.07.2012 № 5761/12 по делу № А40-152307/10-69-1196 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 305-ЭС15-8891 по делу № А40-39758/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.
11. Настин П. С. Субъекты корпоративных правоотношений // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 176-183.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Коммерческое представительство как юридическая конструкция

Белоусов Никита Валерьевич, студент магистратуры
Московский государственный областной университет

В данной статье рассмотрено коммерческое представительство как юридическая конструкция. Представлены основы функционирования коммерческого представительства и его характерные признаки. Данный вид представительства является новым для нашего гражданского права видом, о нем говорится в статье 184 ГК РФ.

Ключевые слова: коммерческое представительство, представитель, признаки.

This article considers commercial representation as a legal structure. The fundamentals of the commercial representation functioning and its characteristic features are presented. This type of representation is a new type of our civil law, it is referred to in article 184 of the civil code.

Keywords: commercial representation, representative, signs.

Современную систему экономических взаимоотношений между производителями товаров и услуг, а также между ними и покупателями, основой которой является разделение труда и специализация производства, немисливо представить без профессионального коммерческого представительства. [6, с 4] Коммерческое представительство в настоящее время становится все более распространенным явлением в гражданском обороте. Сферы применения этих отношений расширяются. [3]

Согласно статье 184 ГК РФ под коммерческим представителем подразумевается лицо, которое постоянно и самостоятельно представляет от имени предпринимателей при заключении ими договоров в сфере предпринимательской деятельности. [2]

С точки зрения юриспруденции представительству можно дать следующее определение, а именно — это отношения, при которых одно лицо (представитель) исполняет юридические действия от имени иного лица (представляемого), причем правовые последствия данных действий, если эти действия были совершены в границах предоставленных представителю полномочий, возникают непосредственно для представляемого и, если говорить о договоре, то права и обязанности, которые прописаны в договоре, непосредственно переходят к представляемому.

Конструкция коммерческого представительства имеет существенные отличия от традиционной. Одной из особенностей правового режима, который установлен для данного вида представительства, является то, что коммерческий представитель обладает правом заключать не только обычные сделки, но и сделки, которые кроме него никто не может заключать.

В статье 184 ГК РФ прописано, что коммерческий представитель может заключать договора, в которых он представляет обе стороны. Данное возможно в том случае, если сторонами было выражено согласие на это, и если данное разрешается законом. Такого рода сделку коммерческий представитель обязан заключать с заботой обычного предпринимателя. Представитель не имеет право заключать сделки от имени представляемого для себя лично. Даже дилеру, заключающему сделки купли-продажи имущества от собственного имени, необходимо следовать правилу о приоритете представляемых интересов.

Форма договора, которая является основой коммерческого представительства обязана быть составлена в письменном виде. Обычно, это является договором поручения. Он должен содержать полномочия, которыми наделен представитель и порядок их реализации. В случае, если договор не содержит полномочий, то представитель получает доверенность. [5, с 129]

Обычно, договор на коммерческое представительство — возмездный, то есть предполагается вознаграждение за сделки. В данном случае представитель наделяется правом требования наряду с вознаграждением, компенсации за понесенные расходы. Если представитель представляет разные стороны, то в целях защиты интересов обеих сторон устанавливается, что при отсутствии иных соглашений, заключенных между ними и коммерческим представителем, вознаграждение и возмещение расходов выплачиваются сторонами поровну. Договор на представительство также может быть безвозмездным. Если в договоре вообще не упоминается его компенсация или безвозмездность, то применяется норма из статьи 424 пункт 3 Гражданского кодекса: размер вознаграждения должен быть таким, как при сопоставимых

обстоятельствах обычно выплачивается за аналогичные услуги. [7, с 5]

Коммерческий представитель должен держать в тайне информацию о своих торговых операциях. Это обязательство остается даже после того, как заказ был выполнен коммерческим представителем.

Поскольку коммерческое представительство является видом общегражданского добровольного представительства, оно имеет все общие черты представительства, но и обладает своими особенностями, которые включают его в отдельный правовой институт:

- основу коммерческого представительства составляет договор. В некоторых случаях основу коммерческого представительства составляет доверенность. При некоммерческом представительстве обычно основой является доверенность и только в исключительных случаях договор;
- у коммерческого представительства имеется свой субъектный состав. Обе стороны, при этом, обязаны являться профессиональными предпринимателями. Общегражданское представительство характеризуется тем, что обе стороны или одну из них может представлять физическое лицо.
- коммерческий представитель обладает более широкими правами и обязанностями, в отличие от гражданского представителя. В доказательство этого можно привести его одновременное представительство обеих сторон в сделке, пункт 2 статьи 184 ГК РФ. У гражданского представительства нет подобных прав;
- на коммерческого представителя возлагается ответственность за порученное ему дело, в связи с чем он обязан заботливо относиться к делу, как к своему, пункт 3 статьи 401 ГК РФ;
- коммерческий представитель ни при каких условиях не может нарушать Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ; [1]
- коммерческий представитель обладает правом удерживать у себя вещи лица, которое он представляет, в соответствии со статьей 359 ГК РФ до того, как будут обеспечены его требования по договору, например, до получения вознаграждения;
- поскольку коммерческий представитель - это профессиональный предприниматель (юридическое лицо в сфере коммерческой деятельности), он обладает правом отступить от указаний доверителя, не спрашивая об этом доверителя, если такое обстоятельство в конечном итоге позволяет получить больше прибыли. Во всех случаях отклонения от указаний представляемого независимо от причин, представитель должен уведомить о допущенных отклонениях. Такое уведомление обладает предварительным характером, так как направляется доверителю до практической реализации действий представителя, не отвечающих требованиям доверителя. Исключение из данного правила составляет деятельность коммерческого представителя по выполнению поручений, которые регулируются пунктом 3 статьи 973 Гражданского

кодекса РФ, а именно поверенный, действующий в качестве коммерческого представителя, может обладать правом отступать в интересах доверителя от его указаний предварительно не сообщая об этом, однако данное право должен предоставить доверитель. Однако коммерческий представитель должен проинформировать доверителя в разумный срок, как это предусмотрено в пункте 3 статьи 973 Гражданского кодекса [8].

На коммерческого представителя распространяются положения Гражданского кодекса Российской Федерации, в которых установлена ответственность в случае нарушения обязательств. Коммерческий представитель, как все предприниматели, может быть освобожден от ответственности в случае форс-мажора. Следует подчеркнуть, что такими обстоятельствами не являются: нарушения обязательств со стороны партнеров торгового представителя, отсутствие на рынке требуемых для выполнения товаров, отсутствие у должника требуемых средств. Кроме того, на торгового представителя возлагается ответственность за своих работников и третьих лиц.

Коммерческое представительство дает возможность предпринимателям вести свой основной вид деятельности, не отвлекая свое внимание на заключение собственными силами торговых сделок, так как для этого необходимо иметь квалифицированные знания в сфере совершения сделок на рынке реализации товаров и услуг, а кроме того специальную информацию, например, знать особенности местной торговли. Следует также помнить, что для заключения определенных категорий сделок необходимо иметь специальный статус или лицензию [5, с 145]

Итак, коммерческое представительство как юридическая конструкция представляет собой структурированную совокупность правовых средств, которые ориентированы на появление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей субъекта предпринимательской деятельности в следствии совершения от его имени сделок с третьими лицами представителем, который действует согласно полномочиям, основанным на договоре и/или доверенности, на возмездной, постоянной и самостоятельной основе в сфере предпринимательства.

Совокупность правовых средств, которые отражают структуру теоретической юридической конструкции коммерческого представительства, является инвариантной для всех сфер бизнеса и находит свое отражение в нормативных юридических конструкциях. Юридической конструкцией коммерческого представительства объединяются функционально независимые обязательства, которые становятся единой последовательной модельной схемой, направленной на достижение целей коммерческого представительства, чем определяются ее главные системные характеристики: согласно функционально-целевому признаку коммерческое представительство — обязательственная юридическая конструкция; согласно структуре является функционально-комплексной системой в праве, состоящей из функционально-однородных подсистем правовых средств.

Литература:

1. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (с изменениями и дополнениями)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019).
3. Габидуллин И. Р. Особенности правового статуса коммерческого представителя // Евразийский Научный Журнал. — 2015. — № 12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journalpro.ru/articles/osobennosti-pravovogo-statusa-kommercheskogo-predstavitelya/>
4. Гріднева О. В., Степанова Н. А. Информационное посредничество в системе посреднических обязательств по законодательству Российской Федерации. // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 3. — с 128–132
5. Гріднева О. В., Шаповалов Д. А. Профессиональное коммерческое представительство // Проблемы экономики и юридической практики. — 2017. — № 6. — С. 144–147.
6. Мельник Е. А., Мельник С. В. Коммерческое (торговое) представительство в современной России: Научная монография. — Орел: Издательство ОФ РАНХиГС, 2015. — 120 с.
7. Носкова Ю. Б. Новеллы коммерческого представительства // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — 2015. — № 5. — С. 3–7.
8. Попова К. С. Особенности коммерческого представительства в России // Молодой ученый. — 2018. — № 15. — С. 75–79. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/201/49413/>

Проблемы правового регулирования страховых правоотношений

Похунова Дарья Александровна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал (г. Нижний Новгород)

Правовое регулирование страховых правоотношений в Российской Федерации осуществляется различными нормативно-правовыми актами. Одним из основополагающих актов в данной сфере является Конституция Российской Федерации, устанавливающая положения о социальной защите и медицинском обеспечении (ст. 7, 39, 41) и об экономической свободе субъектов (ст. 8), реализация которых происходит в ходе осуществления страховых правоотношений [1].

Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) определяет основные положения в реализации отношений в данной области [2]. ГК РФ регламентирует различные виды страхования, выделяя обязательное, добровольное, имущественное, личное, страхование предпринимательского риска, гражданской ответственности. Данный нормативно-правовой акт устанавливает, что страховые правоотношения различных видов происходят на договорных началах. ГК РФ регламентирует положения, касающиеся оснований возникновения, изменения и прекращения правоотношений, и является значимым правовым актом в этой области, так как содержит исключительные положения о договорах страхования.

Одним из важных актов в области регулирования института страхования является федеральный закон «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее — ФЗ «Об организации страхового дела в РФ») [3]. В нем подробно описывается именно деятельность по осуществлению страховых правоотношений, определяются основополагающие термины в данном институте, участники правоотношения и требования, предъявленные

к ним, фиксируется осуществление надзора за страховой деятельностью.

Регулирование обеспечивается также подзаконными актами, к примеру, указы и указания Банка России, в силу того, что ЦБ РФ является органом страхового надзора [4,7]. Правительство РФ издаёт постановления, являющиеся значимыми в сфере страхования и оказывающие помощь в осуществлении страховой деятельности [8,9]. Среди прочих подзаконных актов выделить важно указы Президента РФ, например, «Об основных направлениях государственной политики в сфере обязательного страхования» [10].

Правовое регулирование страховых правоотношений реализуется множеством нормативно-правовых актов, из чего следует одна из существенных проблем в сфере урегулирования данного института — отсутствие чёткой системы и упорядоченности законодательства.

Различные аспекты страхования устанавливаются часто разными правовыми актами, так в частности, правовое регулирование договора страхования. Данное соглашение регламентировано в большей части нормами ГК РФ, тем не менее, применение положений только этого акта для заключения и должного регулирования договора недопустимо. Необходимо в совокупности применить нормативно-правовые акты, устанавливающие основы страховых правоотношений, такие как: ФЗ «Об организации страхового дела в РФ», и законы, закрепляющие отдельные виды данных правоотношений.

Вследствие этого, исследователями ранее уже предлагалось разработать отдельный федеральный закон непосредственно о договоре страхования, который бы

содержал все необходимые положения для заключения договора страхования всех его видов. Акт оказал бы помощь в упорядочивании различных норм, характеризующих договорные основы в институте страхования [11, с. 147].

Однако внедрение федерального закона о договоре страхования не будет достаточно эффективным способом решения проблемы в связи с усложнением правовых отношений в институте страхования. Автор статьи устанавливает необходимость создать отдельный кодифицированный акт, а именно Страховой Кодекс РФ, в силу наличия в ГК РФ лишь некоторого количества положений, закрепляющих не полноценно функционирующее данное учреждение, что приводит к необходимости введения многочисленных иных нормативно-правовых актов для урегулирования возникающих недостатков. Цель отдельного кодифицированного акта состоит в урегулировании страховых правоотношений, не только как общественных отношений в гражданском праве, но и в регламентировании деятельности по осуществлению данных правоотношений, в описании более четко требований, предъявляемых к субъектам, в установлении более подробном прав и обязанностей участников, возникающих фактически в ходе практики и в установлении также иных положений.

Ассистент департамента общественных финансов И. В. Балынин поддерживает создание Страхового кодекса в РФ, устанавливая возможность устранения трудностей и противоречий с его помощью в страховании на законодательном уровне [12, с. 173]. Данную идею разделяет исследователь Н. В. Лутовинова. Она полагает, что вследствие усложнения гражданских отношений отделение страховых правоотношений из общей массы гражданских является необходимым [13, с. 68].

Проанализировав различные исследовательские подходы, выявлено: Страховой Кодекс должен включать в себя общие положения, касающиеся института страхования (то есть основные понятия, цели, задачи, принципы, субъекты и объекты), устанавливающие различные виды страхования и механизм их работы, и регламентирующие договоры страхования различных видов и иное. Кодифицированный акт поможет в использовании и упорядочивании норм, регулирующих страхование в РФ, что непосредственно должно оказать влияние на улучшение с практической точки зрения применения правовых положений в данной сфере.

Вторая проблема — это отсутствие упорядоченных актов при регламентации органами государственной власти области их непосредственного регулирования страховых правоотношений в РФ. Органом государственной власти, который осуществляет регулирование, контроль и надзор в сфере страхования, является Банк России, как указывает ФЗ «Об организации страхового дела в РФ» в п. п. 7 ч. 1 ст. 4.1.. В ходе анализа глав 3 и 4 закона установлено, что орган страхового надзора регулирует многие области осуществления страхования. Особое внимание уделено сфере обеспечения финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков. Почти вся сфера подлежит урегулированию со стороны данного

органа. На каждый конкретный пункт в указанном обеспечении орган создает свои нормативные акты, в соответствии с которыми должно происходить урегулирование деятельности страховщиков.

Например, Банк России формирует систему расчёта нормативного соотношения собственных средств организации и принятых обязательств при помощи Указания Банка России, что следует из ч. 4.1 ст. 25 [5]. Если же данный порядок будет нарушен, то организация представляет свой план оздоровления финансового положения, необходимые пункты которого установлены данным органом, на что также зафиксировано отдельное Указание Банка РФ [6].

Следовательно, правовое регулирование страховых правоотношений органом страхового надзора осуществляется в основном через принятые непосредственно им акты по каждому отдельному вопросу, значит установленная причина приводит к отсутствию упорядоченности.

Таким образом, в сфере регулирования страховых правоотношений возникает большое количество положений, не представляющих собой систему. Каждый из подзаконных актов регламентирует небольшие вопросы осуществления деятельности в институте страхования, приводя к наличию огромного количества актов в области страхового надзора.

Необходимым является внедрение единого федерального закона, устанавливающего положения, касающиеся исключительно регулирования и надзора государственными органами в сфере страхования. Данное нововведение позволит избавиться от многочисленных подзаконных актов по отдельным вопросам в этой сфере. Закон должен содержать понятие «страховой надзор», которое не раскрывается в ФЗ «Об организации страхового дела в РФ», принципы страхового надзора, полный перечень полномочий Банка РФ в данной сфере, а также ряд иных норм, устанавливаемых локально актами Банка России. Следовательно, единый правовой акт сможет систематизировать положения из разных источников в этой области.

Третья проблема в сфере правового регулирования страховых правоотношений — отсутствие многих необходимых терминов, закрепленных на законодательном уровне. Среди отсутствующих понятий можно рассмотреть термин «страховой надзор».

Исследователи В. М. Ковако и Т. Н. Казанкова выделяют неимение единого подхода к определению суммы ущерба при страховом случае, к установлению стоимости имущества, нанесённому ущерб, а также подчеркивают недостаток общепризнанной формулы оценки стоимости ущерба [14, с. 158]. Следовательно, в основополагающие нормативно-правовые акты есть необходимость добавить ряд фиксированных понятий, упрощающих функционирование института страхования на практике. Основными нормативно-правовыми актами в данной сфере являются ГК РФ и ФЗ «Об организации страхового дела в РФ», потому установление подобных понятий должно быть на уровне данных актов.

Автором статьи разработано определение термина «страховой надзор» на основании действующих

положений законодательства. Страховой надзор представляет собой контроль за осуществлением деятельности субъектами страхового правоотношения специально-уполномоченным государственным органом (Банком России) в пределах компетенции, установленной законом.

Таким образом, законодательное регулирование в сфере страховых правоотношений в РФ имеет правовые пробелы. Данный институт активно развивается, модернизация вместе с ним норм законодательства необходима. Установление основополагающих терминов, таких как «страховой надзор», на законодательном уровне является существенным нововведением, способствующим дальнейшему должному правоприменению.

В сфере регламентирования страховых правоотношений существует большое количество актов, не представляющих собой систему. Следовательно, создание единого акта, заключающего в себе положения из разных аспектов регулирования страхования, представляется важным. Данное нововведение поможет устранить многочисленные нормативные акты путем включения большинства норм, регламентирующих страховые правоотношения, в кодифицированный акт. Также посредством создания Страхового Кодекса сформируется более четкая система, за счет введения большого количества положений из подзаконных актов, регулирующих отдельные правовые вопросы, в единый акт. Данный кодифицированный акт окажет помощь в использовании и упорядочивании всех норм, регулирующих страхование в РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс РФ от 26.01.1996 № 14-ФЗ (с изм. и допол. в ред. от 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Федеральный Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (с изм. и допол. в ред. от 03.08.2018) // Российская газета. 1993. 27 ноября.
4. Указ Банка России от 23 ноября 2017 г. № 4617-У «О перечне документов, подтверждающих выполнение требований к уставному капиталу страховщика...» // Вестник Банка России. 2018. 16 апреля.
5. Указание Банка России от 28 июля 2015 г. № 3743-У «О порядке расчета страховой организацией нормативного соотношения собственных средств и принятых обязательств» // Вестник Банка России. 2015. 18 сентября.
6. Указание Банка России от 30 декабря 2014 г. № 3522-У «О требованиях к плану оздоровления финансового положения страховой организации» // Вестник Банка России. 2015. 10 марта.
7. Указание Банка России от 30 сентября 2014 г. № 3400-У «О порядке внесения сведений о субъектах страхового дела в единый государственный реестр субъектов страхового дела» // Вестник Банка России. 2014. 10 декабря.
8. Постановление Правительства РФ от 22 ноября 2011 г. № 964 «О порядке осуществления деятельности по страхованию и обеспечению экспортных кредитов и инвестиций от предпринимательских и политических рисков» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6936.
9. Постановление Правительства РФ от 22 ноября 1996 г. № 1387 «О первоочередных мерах по развитию рынка страхования в Российской Федерации» // Российская газета. 1996. 17 декабря.
10. Указ Президента Российской Федерации от 06 апреля 1994 г. № 667 «Об основных направлениях государственной политики в сфере обязательного страхования» // Российская газета. 1994. 12 апреля.
11. Анохин, С. А. Предпринимательские риски и их оптимизация [Текст] / С. А. Анохин // Бизнес в законе. 2013. № 1. С. 145–148.
12. Балынин, И. В. К вопросу о принятии страхового кодекса в Российской Федерации [Текст] / И. В. Балынин // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 3 (36). С. 170–176.
13. Лутовинова, Н. В. Правовое регулирование страхования в России [Текст] / Н. В. Лутовинова // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2015. № 3. С. 67–71.
14. Ковако, В. М. Проблемы правового регулирования страхования [Текст] / В. М. Ковако, Т. Н. Казанкова // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке: сб. статей. Махачкала: Апробация, 2017. С. 157–159.

АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Проблемы, возникающие в ходе процедуры наблюдения в деле о несостоятельности (банкротстве) юридического лица

Кочарян Виктория Юриковна, студент магистратуры
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Согласно Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» под наблюдением следует понимать процедуру, применяемую в деле о банкротстве к должнику в целях обеспечения сохранности его имущества, проведения анализа финансового состояния должника, составления реестра требований кредиторов и проведения первого собрания кредиторов. [1]

Ученые выделяют три основные функции процедуры наблюдения: обеспечительную, подготовительную и диагностическую. Обеспечительная функция сводится к созданию благоприятных условий для сохранения имущества должника, имеющегося на момент возбуждения дела о его банкротстве. Подготовительная функция состоит в оказании содействия юридическому лицу в подготовке дела к судебному разбирательству. Диагностическая функция заключается в исследовании финансового состояния должника. [2, с. 20]

Несмотря на важные цели, реализация которых должна обеспечиваться в рамках процедуры наблюдения, в юридическом сообществе довольно часто можно встретить позицию, сводящую на нет необходимость наличия процедуры наблюдения в силу следующих фактов.

Во-первых, подвергается критике длительность срока проведения указанной процедуры. Следует отметить, что законодательно не установлены четкие сроки проведения процедуры наблюдения, однако регламентирована необходимость ее окончания с учетом срока рассмотрения дела о банкротстве, который не должен превышать семи месяцев с даты поступления заявления о признании должника банкротом. [3, с. 153–163]

Полагаем, что длительность процедуры наблюдения ведет к снижению стоимости активов должника, в то время как положение должника ухудшается ввиду того, что в отношении него не применяются ни реабилитационные процедуры, ни процедура конкурсного производства.

Так 5 июля 2018 года Арбитражный суд Приморского края в рамках дела о банкротстве ООО «Лесной квартал» вынес определение о признании требований ОАО «Фирма Аврора» обоснованными и введении в отношении ООО «Лесной квартал» процедуры банкротства — наблюдение. Судебное заседание по рассмотрению отчета

временного управляющего о результатах процедуры банкротства назначено на 17 декабря 2018 года. [4] Из указанного определения следует, что процедура наблюдения введена на срок пять месяцев двенадцать дней. 17 декабря 2018 года ООО «Лесной квартал» было признано несостоятельным (банкротом), в отношении него было открыто конкурсное производство сроком на шесть месяцев. [5]

Таким образом, необходимо внести изменения в действующее законодательство, связанные с необходимостью сокращения максимального срока, на который может вводиться процедура наблюдения.

Во-вторых, ставится под сомнение особенность статуса органов управления должника при процедуре наблюдения, заключающаяся в том, что введение указанной процедуры не является основанием для отстранения органов управления должника от своих полномочий, что зачастую обеспечивает возможность злоупотребления правами со стороны руководства должника, даже несмотря на установленные законом формы контроля за действиями руководителя должника. [6, с. 86–90]

Как следствие, сохранение полномочий органов управления должника-юридического лица и ограниченность полномочий временного управляющего (по сравнению с другими возможными процедурами, применяемыми в делах о банкротстве), влекут невозможность обеспечения временным управляющим сохранности имущества должника либо способствуют органам управления должника в сокрытии и (или) непредставлении документации, необходимой для анализа финансового состояния должника.

В этом случае временный управляющий может истребовать недостающие документы у руководителя должника или иного лица, у которого фактически хранятся документы, в судебном порядке. [7, с. 52–63]

Таким правом воспользовался временный управляющий Двинского унитарного муниципального пассажирского автотранспортного предприятия, который обратился в соответствующий арбитражный суд с заявлением об истребовании у руководителя предприятия (Мягков В. Г.) документов, необходимых для финансового анализа состояния должника. Арбитражный суд определил истребовать у Мягкова В. Г. определенную

перечень документов и обязал передать копии указанных документов по акту временному управляющему в течение 18 дней. [8]

Кроме того, временный управляющий наделен правом в случае необходимости обратиться в арбитражный суд с ходатайством об отстранении руководителя должника от должности.

Так временный управляющий ОАО «НИИПИ-нефтегазстроймаш» обратилась в арбитражный суд с ходатайством об отстранении генерального директора акционерного общества — Крекова А. В. — от должности и возложить исполнение его обязанностей на работника должника. Креков А. В. не согласовывал с временным управляющим сделки; необоснованно выплачивает денежные средства физическим лицам, не являющимися работниками предприятия, и т. д. Арбитражный суд удовлетворил ходатайство временного управляющего об отстранении руководителя должника от должности, а его обязанности были возложены на работника должника. [9]

Вышеуказанные примеры свидетельствуют, что во время процедуры наблюдения злоупотребления полномочиями со стороны органов управления должника имеют место быть. Конечно же у временного управляющего есть законные рычаги воздействия на руководство должника в противоправных случаях, однако для их реализации временному необходимо задействовать арбитражный суд, что в свою очередь также затягивает процедуру банкротства.

Полагаем, что будет целесообразней вернуться к положениям дореволюционного конкурсного законодательства, которое предусматривало отстранение органов управления должника-юридического лица от своих полномочий в момент введения процедуры наблюдения. [10, с. 41–45]

В рамках процедуры наблюдения также осуществляются следующие важные процессуальные мероприятия: созыв, подготовка и проведение первого собрания кредиторов, а также установление размера требований кредиторов.

Размера требований кредиторов необходимо установить для определения числа голосов каждого из конкурсных кредиторов, уполномоченных органов для их участия в первом собрании кредиторов.

При этом кредиторы наделены правом предъявления своих требований к должнику-юридическому в течение тридцати календарных дней с даты опубликования сообщения о введении наблюдения в отношении должника (в тридцатидневный срок включаются также и нерабочие дни). Важно отметить, что возможность восстановления вышеуказанного срока законом не предусмотрена. [11]

Указанные требования включаются в реестр требований кредиторов на основании определения

арбитражного суда о включении указанных требований в реестр требований кредиторов, которое вступает в силу немедленно и может быть обжаловано.

Для подведения итогов процедуры наблюдения временный управляющий созывает первое собрание кредиторов. Установлены точные требования к дате его проведения: не позднее чем за десять дней до даты окончания наблюдения. В обязанности временного управляющего входит направление уведомления о созыве собрания всем его участникам, обладающим правом голоса: конкурсным кредиторам и уполномоченным органам, требования которых включены в реестр кредиторов. В первом собрании кредиторов также принимают участие, но без права голоса руководитель должника, представитель учредителей (участников) должника или представитель собственника имущества должника — унитарного предприятия, представитель работников должника и представитель органа по контролю (надзору). Ввиду того, что названные участники не обладают правом голоса на собрании, то их отсутствие не может служить основанием для признания его недействительным. [12, с. 24]

Решение первого собрания кредиторов имеет стратегическое значение для дальнейшего продвижения дела о банкротстве, а именно: на его основании арбитражным судом выносятся определение о введении финансового оздоровления или внешнего управления; либо арбитражным судом выносятся решение о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства, либо утверждает мировое соглашение и прекращает производство по делу о банкротстве.

Так, в рамках дела о банкротстве ООО «Дальнегорское автотранспортное предприятие» собранием кредиторов было принято решение об обращении в арбитражный суд с ходатайством о признании ООО «Дальнегорское автотранспортное предприятие» несостоятельным (банкротом) и об открытии в отношении него конкурсного производства, ввиду чего арбитражным судом было принято соответствующее решение. [13]

Таким образом, результатом окончания процедуры наблюдения в деле о банкротстве будет переход к следующей процедуре банкротства, предусмотренной ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», однако анализ правоприменительной практики показывает, что в большинстве случаев результатом окончания процедуры наблюдения является вынесение арбитражным судом решения, направленного на ликвидацию должника в последствии.

Рассмотренные проблемы, возникающие в рамках процедуры наблюдения, свидетельствуют о неэффективности указанной процедуры, что, в свою очередь, обуславливает необходимость совершенствования законодательства о банкротстве.

Литература:

1. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, Ст. 4190; 2018. № 28. Ст. 4139 (ред. от 01.07.2018).
2. Шевченко И. М. Российское законодательство о банкротстве: некоторые проблемы и дальнейшие пути развития // Вестник НГУ. Серия: Право. 2015. Том 11. № 2. С. 20–31.

3. Аликаева М. В. Оценка эффективности введения процедуры наблюдения в деле о банкротстве // Сервис в России и за рубежом. 2018. Том 12. № 3. С. 153–163.
4. Определение Арбитражного суда Приморского края от 05.07.2018 по делу № А51–12123/2018. [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/9cc9b063-b90e-4b5e-a839-5146bb66ef15/9115c7fb-2756-4055-8573-ecb387370d5b/A51-12123-2018_20180705_Opredelenie.pdf. (дата обращения: 25.12.2018).
5. Решение Арбитражного суда Приморского края от 17.12.2018 по делу № А51–12123/2018. [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/9cc9b063-b90e-4b5e-a839-5146bb66ef15/b4241bd0-63e4-4a7b-a77e-707951445778/A51-12123-2018_20181217_Reshenie.pdf. (дата обращения: 25.12.2018).
6. Фролов И. В. Управление процедурами банкротства: теория и юридическая практика: учебное пособие. Новосибирск. 2013. С. 86–90.
7. Улезко А. Ошибки арбитражного управляющего. Как суды оценивают разумность его действий // Арбитражная практика. 2018. № 9. С. 52–63.
8. Определение (резольютивная часть) Арбитражного суда Архангельской области от 27.06.2017 по делу № А05–12666/2016. [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/17f966df-fbad-44d7-973d-30d06ba076ae/66a0ffd0-5086-4c42-b052-6e7fd5c4994e/A05-12666-2016_20170627. (дата обращения: 25.12.2018).
9. Определение Арбитражного суда Брянской области от 20.02.2016 по делу № А09–7857/2015. [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/21c9add4-d956-4f41-92db-0e7c9a46a56e/2f170711-f4d9-460d-b2c4-214609e74145/A09-7857-2015_20160220_Opredelenie.pdf. (дата обращения: 25.12.2018).
10. Шибанова Е. С. Сравнительно-правовая характеристика категории «правоспособность» юридического лица — должника в дореволюционном и современном законодательстве // История государства и права. М.: Юрист, 2010. № 7. С. 41–45.
11. О некоторых вопросах, связанных с исчислением отдельных сроков по делам о банкротстве: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.07.2005 № 93 // Вестник ВАС РФ. 2005. № 10.
12. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): Учебное пособие / А. И. Хаснутдинов. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. 71 с.
13. Решение Арбитражного суда Приморского края от 18.04.2019 по делу № А51–16958/2018. [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/fead6950-3540-4c46-a0f1-b8ed35287d41/80d41fde-5d4a-4725-8c54-6f363cad3d45/A51-16958-2018_20190418_Reshenie.pdf. (дата обращения: 20.04.2019).

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Экстремизм и неоязыческие вероучения: скрытая угроза (на примере Древнерусской англистической церкви православных староверов-инглингов)

Колпаков Петр Александрович, инспектор организационно-аналитического отдела
Академия управления МВД России (г. Москва)

Носов Антон Александрович, сотрудник
УВД по Северному административному округу ГУ МВД России по г. Москве

В статье раскрывается проблематика распространения экстремистских идей в рамках некоторых неоязыческих культов. Определены элементы экстремизма в религиозных текстах Древнерусской англистической церкви, некоммерческие организации которой были ликвидированы по решению суда по основаниям, предусмотренным ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Сформулированы этапы процесса культивации экстремистских установок среди последователей указанного течения неоязыческой направленности. Дана оценка специфике угрозы экстремистских воззрений, распространяемых в рамках некоторых неоязыческих вероучений.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, расизм, неоязычество, инглизм.

Рубеж конца XX века разделил историю российского государства на советский и постсоветский период. Рассматривая советский период в контексте изучения процесса формирования у населения ценностных установок, нравственных ориентиров, очевидным становится факт существования государственной монополии в вопросах выработки идеологии и ее культивирования среди населения на обозначенном этапе отечественной истории. Население Российской Федерации, созданной в 1991 году после прекращения существования СССР, оказалось в условиях идеологического вакуума: государственная монополия на идеологию была разрушена, гражданам молодой страны была предоставлена полная свобода в принятии каких-либо ценностных систем в соответствии с личными убеждениями.

Резкое разгосударствление формирования у населения мировосприятия стало основой лавинообразного возникновения на территории России отделений религиозных организаций, уже функционировавших за границей и создания новых. Вакуум в идейном отношении понимания мира, поиски содержания, способного его заполнить людьми, столкнувшимися с бедностью, незащищенностью, отсутствием перспектив изменять свою жизнь в будущем ввиду его неопределенности, определили высокую интенсивность распространения разнообразных религиозных концепций, основой которых становились, в частности, новые толкования постулатов мировых религий, обращения к космическим версиям возникновения человека и другие идеологемы.

Обращение к прошлому народов России, их быту и системе верований на этапе, предшествовавшем христианизации Руси, стало основой ряда новорелигиозных учений, возникавших во второй половине 80-х — 90-х годах XX века. Особенности развития неоязыческих концепций на территории современной многонациональной и поликонфессиональной России оказались в некоторых случаях сопряжены со смешением религиозных постулатов с экстремистскими воззрениями.

Одна из неоязыческих концепций — инглизм, представляющая собой вариант родноверия, ключевой ценностью которого декларируется приверженность традициям и верованиям предков, — сложилась и развивалась в рамках Древнерусской англистической церкви православных староверов-инглингов, созданной в 1992 году в Омске, в отношении некоммерческих организаций которой (Местная религиозная организация Асгардская Славянская Община Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Англистической церкви Православных Староверов-Инглингов; Местная религиозная организация Славянская Община Капища Веды Перуна Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Англистической церкви Православных Староверов-Инглингов; Религиозная организация Мужская Духовная Семинария Духовное Учреждение профессионального религиозного образования Древнерусской Англистической Церкви Православных Староверов-Инглингов) 30.04.2004 года Омским областным судом принято решение о ликвидации [2].

Славяно-Арийские Веды (тексты англиизма, содержащие постулаты, гимны, заповеди и иные элементы вероучения, 30.19.2015 года признаны Центральным районным судом г. Омска экстремистским материалом) содержат доктринальные утверждения о том, что община инглингов объединяет всех людей с белым цветом кожи. Славяно-Арийские Веды, а также заповеди, выполнение которых является обязательным для членов общин, налагали прямой запрет на межрасовые браки. Данное положение включает в себе идею расового превосходства, пропаганда которого запрещена ст. 29 Конституции РФ, а также вступает в противоречие со ст. 19 Конституции РФ, запрещающей любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, ст. 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также является проявлением экстремистской деятельности, запрещенной ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Кроме того, в нарушение ч.2 ст. 14 ФЗ № 125 от 26.09.1997 г. в доктрине содержатся положения, побуждающие граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий. Так, на стр. 89 Славяно-Арийских Вед (Книга третья. Слово Мудрости Волхва Велимудра. Часть вторая) записано: «не живите по законам, что создали люди, дабы лишить вас Свободы, а живите по Законам Бога Единого» [3].

В пунктах 5.2 ст. 5 Уставов религиозных организаций Славянская Община Капища Веды Перуна и Асгардская Славянская община среди определяющих символов общин указана свастика, что является нарушением ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 г. № 114, запрещающей пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения [3, 4].

Включение элементов идей экстремизма в неоязыческие вероучения является угрозой, обладающей особым специфичным характером, отличающимся скрытостью воздействия на граждан, ставших последователями такового религиозного течения. Лидеры культов, транслирующие адептам мировоззренческие принципы, жизненные нормы и ориентиры, в той или иной степени концептуально совпадающие с ценностными системами древнеславянских племен, раскрывающие ритуалы, схожие с теми, что осуществляли древние предки, или соответствующие представлениям современных последователей об обрядах прошлого, при наличии умысла на дестабилизацию обстановки в регионах и стране или на получение властного ресурса, получают возможность вольной трактовки истории, формирования выгодного для обозначенных целей представления у последователей о прошлом.

В процессе, преследующем цель формирования у последователей неоязыческого религиозного культа, содержащего элементы экстремизма, деструктивной мировоззренческой системы, выделено четыре этапа, сводящихся к навязыванию и аргументации мнения о том, что:

1) Транслируемые современным «пророком» или «учителем» постулаты не изменялись с древних времен, предки принимали эти правила «на веру» без проверки и служили им основой морали и нравственности.

2) Принятие этих постулатов предками свидетельствует об истинности, правильности декларируемых заповедей.

3) Истинность учения подтверждается источниками, переведенными в современности, древность которых является дополнительным подтверждением преемственности культа с жизнью и мировоззрением предков.

4) Проблемы российского общества — следствие отчуждения от истинной веры предков.

Таким образом, отсыл адептов к смоделированному в рамках учения прошлому позволяет «первосвященникам» — проводникам культа насаждать любые, в том числе экстремистские идеи, пользуясь принимаемым без критического осмысления аргументом древности декларируемых идей и навязываемых моделей поведения, в том числе, построенных на приверженности ненависти на расовой и национальной почве, что было обнаружено экспертами в процессе изучения текстов, распространявшихся представителями церкви православных староверов-инглингов.

Специфика неоязыческих культов как объекта исследования на предмет наличия в их концепциях экстремистских элементов раскрывается в следующих положениях:

1) Могут возникать по всей территории России, учитывая исторический факт распространенности разнообразных верований, основанных на объяснении явлений природы, событий в жизни человека деятельностью высших сил, воплотившихся в пантеонах богов и духов.

2) Экстремистская угроза имеет скрытый характер, при наличии ее элементы, в частности, идеи расового превосходства не выражаются явно, транслируются как жизненные ориентиры, сложившиеся в прошлом.

3) Ячейки экстремистских организаций неоязыческого толка имеют потенциал сетевого развития — без единого центра координации, распространения информационного контента.

Развитие и распространение неоязыческих концепций содержит потенциал скрытого насаждения деструктивных идей. Однако необходимо отметить, что фундаментальной основой, которой руководствуется правоохранительная система при разрешении проблематики экстремизма является закрепленная в ст. 28 Конституции РФ гарантия свободы совести, свободы вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [1]. Борьба с экстремизмом не подменяет понятий преследования его элементов и организации гонений на какие-либо направления вероучений. Единственным критерием, несоответствие которому становится основанием для ликвидации или запрета деятельности некоммерческих, в том числе религиозных, организаций является их противоречие нормам существующего законодательства, призванного предупредить насилие, порождаемое

экстремизмом. Неоязыческие концепции сложны для экспертной оценки ввиду наличия возможностей включения в них не прямых призывов, а завуалированных, выдаваемых за опыты прошлого идей расового и религиозного превосходства. Скрытый характер угрозы

в контексте популяризации, в том числе в массовой культуре, сюжетов, как основанных на реальных событиях, так и вымышленных, происходящих на историческом фоне Древней Руси, определяют необходимость скрупулезного исследования неоязыческих концепций.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8-ФКЗ) // СПС «Консультант плюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 29.06.2019).
2. Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство юстиции РФ. — Режим доступа: https://minjust.ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 29.06.2019).
3. Решение Омского областного суда от 30 апреля 2004 года о ликвидации трех местных религиозных организаций, деятельность которых была признана возбуждающей национальную ненависть // Информационно-аналитический центр «Сова». — Режим доступа: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2004/04/d8899/> (дата обращения: 29.06.2019).
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант». — Режим доступа: <http://base.garant.ru/12127578/#ixzz5sE20DRUG> (дата обращения 29.06.2019).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Спорные вопросы квалификации врачебной ошибки

Власов Василий Леонидович, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В Уголовном кодексе не существует отдельного состава, предусматривающего уголовную ответственность за врачебную ошибку. Анализ уголовных дел показывает, что за преступления в сфере медицины наиболее часто осуждаются по ст. ст. 109 и 118 УК РФ. Помимо этого, также встречается квалификация по ст. ст. 125, 238, 293 УК РФ.

Интерес представляет вменение ст. 238 УК РФ, за совершение преступлений, содержащих врачебную ошибку.

Ярким примером служит дело Елены Мисюриной, московского врача-гематолога. Приговором Черемушкинского районного суда г. Москвы от 22 января 2018 г. Е. Мисюрина была осуждена за совершение врачебной ошибки по ст. 238 УК РФ «Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» и приговорена к двум годам лишения свободы.

Уголовное дело в отношении Е. Мисюриной было возбуждено в январе 2015 г. по ч. 2 ст. 109 УК РФ, однако впоследствии квалификация была изменена на п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

Такое решение суда вызвало мощнейший резонанс в медицинских кругах. Приговор был удален с сайта суда. Обстоятельства дела в отрывочном виде можно выделить из интервью подсудимой средствам массовой информации. 25 июля 2013 года в клинику «ГеноТехнология» обратился мужчина с диагнозом «рак предстательной железы». С целью уточнения диагноза Е. Мисюрина провела трепанобиопсию костного мозга — забор образца костного мозга из подвздошной кости. Такая процедура является стандартной в гематологической практике. В научной литературе указывается на то, что противопоказаний для выполнения трепанобиопсии, как и для получения аспирата, практически не существует. Единственное условие состоит в том, чтобы с осторожностью проводить данную процедуру в отношении пациентов с дефицитом факторов свертывания крови (гемофилией). По словам Е. Мисюриной, после процедуры пациент не жаловался на ухудшение самочувствия и самостоятельно покинул клинику. Позднее (время не уточняется) пациент поступил в клинику «Медси» и был госпитализирован с диагнозом «острый аппендицит». В ходе диагностики у больного было выявлено внутреннее кровотечение, спустя 18 часов он был прооперирован. Проблемным

моментом стало то, что в ходе операции хирурги обнаружили в брюшной полости пациента геморрагическое содержимое. Тем не менее, не было выявлено механического повреждения сосудов. Утром 28 июля пациент скончался.

Общественность причины переквалификации деяния Е. Мисюриной находит в том, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 238 УК РФ, относится к категории тяжких, а значит, давность привлечения лица к ответственности составляет 10 лет. Это дает органам расследования возможность затянуть следствие, долго вдаваться в детали дела.

При рассмотрении данного дела необходимо уделить особое внимание следующему вопросу: кто является субъектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ?

С. В. Максимов полагает, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, являются лица, выполняющие управленческие функции [4]. Иную позицию по данному вопросу занимает А. И. Чучаев, который считает, что субъектом данного преступления может быть любое лицо, достигшее 16 лет [2]. Фактически, исходя из формулировки нормы ст. 238 УК РФ, следует именно такой вывод. Поэтому субъект преступления — общий.

В. В. Воронин предлагает применять данную норму на практике следующим образом: у физических лиц уголовная ответственность за производство, хранение, перевозку товаров и продукции, не отвечающим требованиям безопасности будет наступать только при наличии у них специальной цели — сбыта товаров, а в отношении предпринимательской деятельности — при осведомленности соответствующих лиц об опасности продуктов, товаров, работ, услуг [1]. Но как быть с медицинскими услугами? Врачи всегда осведомлены о возможности летальных исходов.

В отношении медицинских услуг действует закон «О защите прав потребителей» [5]. В законе отражены основные понятия и даны их дефиниции. Так, исполнителем, согласно закону, признается организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, выполняющие работы или оказывающие услуги потребителям по возмездному договору.

Таким образом, исполнителем медицинской услуги является организация, в которой по трудовому договору осуществляла деятельность Е. Мисюрина. Уголовной ответственности юридических лиц по уголовному законодательству России не предусмотрено, на практике в таких случаях к ответственности привлекается руководитель

организации или иные лица, осуществляющие административно-хозяйственные функции в организации (например, по ст. 199 УК РФ) [6].

Таким образом, полагаем, что вменение состава ст. 238 УК РФ за совершение врачебной ошибки основывается на неверном толковании закона и является неверным.

Литература:

1. Воронин В. В. Ответственность за оборот потребительских товаров, не отвечающих требованиям безопасности // Уголовный процесс. — 2005. — № 11. — С. 5.
2. Есаков Г. А., Рарог А. И., Чучаев А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. — М., 2007. — С. 341.
3. Информация по делу № 01–0022/2018. Электронный ресурс. URL: <https://www.mosgorsud.ru/rs/cherjomushkinskij/services/cases/criminal/details/1d8a1d70-a493-445f-a7ff-9a1a30a41d81> (дата обращения: 12.12.2018).
4. Максимов С. В. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Л. Д. Гаухмана и С. В. Максимова. — М., 2005. — С. 540.
5. О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 15, ст. 766.
6. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 3. — 2007.

Субъект незаконной банковской деятельности

Власов Василий Леонидович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В Уголовном кодексе отсутствует указание на специальный субъект преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ. Однако в литературе встречается точка зрения, согласно которой субъект незаконной банковской деятельности является специальным: это руководители организаций, незаконно производивших банковские операции [1; 4].

Норма об уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность является специальной по отношению к норме об уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность. В связи с этим некоторые авторы обращаются к разъяснениям Пленума Верховного Суда относительно субъекта преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ [2], где говорится, что субъектом могут быть как лица, имеющие статус индивидуального предпринимателя, так и лица, не имеющие такого статуса [6].

Полагаем, что при определении субъекта незаконной банковской деятельности нельзя слепо перенимать разъяснения Пленума Верховного Суда о незаконной предпринимательской деятельности. К анализу признаков незаконной банковской деятельности необходимо подходить комплексно, учитывая специфику состава преступления (в том числе формально закрепленных и реально возможных субъектов совершения преступления).

Есть ли реальная возможность того, что физическое лицо может заниматься незаконной банковской деятельностью?

Существуют такие банковские операции, которые не могут быть совершены физическими лицами. Например, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц, выдачу банковских гарантий. Однако такую операцию как купля-продажа иностранной валюты в наличной и безналичной формах может осуществить как организация, так и физическое лицо. В данном случае можно согласиться с точкой зрения, выдвинутой П. С. Яни, Э. С. Мурадовым, которые отмечают, что субъектом является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста и незаконно совершающее банковские операции, например, сделки с иностранной валютой [5; 9].

Существует и третья точка зрения, согласно которой субъект незаконной банковской деятельности может быть как общим, так и специальным в зависимости от конкретной банковской операции, которую он совершает. К группе ученых, поддерживающих эту позицию, можно отнести П. В. Зотова, С. И. Олисаева, А. Ж. Саркисяна [3; 7; 8].

В подтверждение собственной позиции указанные авторы ссылаются на положения общей теории уголовного права. Отмечается, что общим субъектом преступления является лицо, отвечающее признакам, указанным в ст. 20 УК РФ. Специальный субъект обладает дополнительными признаками (пол, возраст, гражданство и т. д.).

В подтверждение собственной позиции указанные авторы ссылаются на положения общей теории уголовного права. Отмечается, что общим субъектом преступления

является лицо, отвечающее признакам, указанным в ст. 20 УК РФ. Специальный субъект обладает дополнительными признаками (пол, возраст, гражданство и т. д.). Такие признаки должны содержаться в нормах Особенной части УК РФ. А. Ж. Саркисян приходит к выводу о том, что для правильного определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, уголовно-правовые нормы необходимо анализировать в совокупности с банковским законодательством. По итогам рассмотрения всех банковских сделок автор приходит к выводу, что то, каким будет являться субъект незаконной банковской деятельности, зависит от объективной стороны преступления [8].

К тому же выводу приходит и С. И. Олисаев. Он отмечает, что специфика банковских отношений состоит в том, что большинство банковских операций могут осуществляться только юридическими лицами. Это связано с тем, что осуществление банковских операций предполагает наличие взаимоотношений с Центральным Банком. Автор указывает на следующий момент: «Если предположить, что физическое лицо данные операции все же совершило, то в его действиях можно усмотреть признаки иного состава преступления (например, мошенничества)» [7].

П. В. Зотов аргументирует свою позицию тем, что физическое лицо, даже в случае совершения им банковских операций, не подпадающих под состав мошенничества, не сможет совершить операции с извлечением дохода или причинением ущерба в крупном размере [3].

Указанные позиции, на наш взгляд, основаны на предположениях. В выводах авторов часто встречаются следующие фразы: «предполагает», «не сможет», и они не являются убедительными.

Полагаем, что субъект незаконной банковской деятельности является общим, поскольку в норме не содержится признаков специального субъекта преступления. Им может быть вменяемое физическое лицо, достигшее возраста наступления уголовной ответственности (16 лет).

Полагаем, что нецелесообразно сужать круг субъектов преступления до руководителей коммерческих организаций, основываясь на предположении, что физические лица фактически не смогут совершить то или иное деяние, и ставить вид субъекта в зависимость от объективной стороны, тем самым «разбивая» один состав преступления на несколько.

Литература:

1. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб., 2002. С. 197–198.
2. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по Уголовному праву России СПб., 2007. С. 290–292
3. Зотов П. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика незаконной банковской деятельности: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2000. С. 15
4. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики. Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) // СПС «Консультант плюс»; Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2013. С. 283.
5. Мурадов Э. С. Субъект незаконной банковской деятельности // Законность. 2006. № 6. С. 51.
6. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (в ред. от 07.07.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.
7. Олисаев С. И. О субъекте незаконной банковской деятельности // Закон и право. 2012. № 7. С. 89.
8. Саркисян А. Ж. Незаконная банковская деятельность: уголовно-правовые аспекты: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2007. С. 18.
9. Яни П. С. Проблемы уголовной ответственности за экономические преступления // Законность. 2001. № 1. С. 6.

Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве: некоторые проблемные аспекты

Макарова Анжела Васильевна, студент
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Статья посвящена исследованию некоторых актуальных проблем правовой регламентации уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве. Автором подчеркивается важность ст. 195 УК РФ для защиты прав и законных интересов лиц, обеспечения стабильного развития гражданского оборота, поскольку она закрепляет санкцию за совершение деяний, влекущих уменьшение конкурсной массы должника и, как следствие, причинение крупного ущерба кредиторам юридического лица, индивидуального предпринимателя или гражданина.

Ключевые слова: уголовная ответственность, УК РФ, неправомерные действия, банкротство, Закон о банкротстве.

Одним из правовых механизмов, призванных обеспечить развитие «здорового» гражданского оборота в условиях рыночной экономики, является институт несостоятельности (банкротства). Именно он позволяет нивелировать негативные последствия предпринимательской и иной экономической деятельности, выражающиеся, в частности, в неспособности должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по обязательствам.

В ходе банкротства антагонизм интересов должника и кредиторов увеличивается, что создает реальную угрозу нарушения как прав кредиторов и самого должника, так и порядка проведения той или иной процедуры, применяемой в деле о несостоятельности. В этой связи Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) [2] еще в первоначальной редакции включал в себя институт уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, закрепленный в ст. 195 УК РФ. Анализ нормативных правовых актов позволяет прийти к выводу, что на протяжении всего периода существования названная статья неоднократно претерпевала изменения, во многом обусловленные динамичностью и нестабильностью законодательства о банкротстве, а также особенностями складывающейся правоприменительной практики.

На сегодняшний день ст. 195 УК РФ состоит из трех частей, соответствующих трем самостоятельным составам преступления, объединенным непосредственным объектом, которым, как представляется, выступают не просто имущественные интересы кредиторов, а общественные отношения, связанные с правомерным удовлетворением требований кредиторов в порядке, установленном законодательством о банкротстве, что обусловлено особенностями объективной стороны состава преступления, в частности специфической обстановкой. Так, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 195 УК РФ предполагается, что совершение действий, указанных в диспозициях норм, влечет уголовную ответственность при наличии признаков банкротства [10, с. 568].

Исходя из взаимосвязанных положений ст. 3, 6 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) [3], по общему правилу, признаками банкротства организации являются: неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, при этом совокупность требований должна составлять не менее 300 000 руб. Иное предусмотрено, например, ст. 183.16 Закона о банкротстве для финансовых организаций, ст. 189.8 Закона о банкротстве для кредитных организаций, ст. 190 Закона о банкротстве — специальный признак банкротства стратегических предприятий (сумма требований не менее 1 млн руб.) и т. д. Признаки банкротства граждан и индивидуальных предпринимателей, определяются в ч. 2 ст. 213.3 указанного закона.

Помимо установления момента возникновения признаков банкротства, необходимо уделить внимание и вопросу: в течении какого промежутка времени они наличествуют?

В первоначальной редакции ст. 195 УК РФ речь шла о совершении указанных в диспозиции действий не при наличии признаков банкротства, а при банкротстве или предвидении банкротства. На основе анализа судебной практики можно прийти к выводу, что редактирование формулировки закона не повлияло на момент изменения обстановки совершения преступления, так как формальные признаки банкротства возникнув до возбуждения производства по делу, сохраняются и после принятия арбитражным судом решения о признании лица банкротом и открытии конкурсного производства до внесения записи в ЕГРЮЛ или ЕГРИП о ликвидации организации-должника или прекращении статуса индивидуального предпринимателя соответственно. Данный тезис находит подтверждение и в Методических рекомендациях ФССП России [4].

Объективная сторона применительно к ч. 3 ст. 195 УК РФ предполагает, что деяние (действия/бездействие) совершается при условии, если решением арбитражного суда функции руководителя организации возложены на арбитражного управляющего, или он утвержден для участия в деле о банкротстве гражданина. Таким образом, нельзя привлечь к уголовной ответственности, например, генерального директора в ходе процедуры наблюдения, если он в нарушение требований п. 3.2 ст. 64 Закона о банкротстве не предоставил временному управляющему перечень имущества, имущественных прав должника, так как согласно п. 1 указанной статьи ведение наблюдения не является основанием для отстранения руководителя должника и иных органов управления, которые продолжают осуществлять свои полномочия с ограничениями, установленными п. 2, 3 и 3.1 данной статьи. То же самое касается процедуры финансового оздоровления (ст. 82 Закона о банкротстве), если руководитель должника не был отстранен от должности в порядке ст. 69 Закона о банкротстве.

Состав неправомерных действий при банкротстве является материальным, согласно взаимосвязанным положениям ст. 195 УК РФ и примечанию к ст. 170.2 УК РФ требуется наличие крупного ущерба в размере 2 250 000 руб. В этой связи представляется важным вопрос об окончании преступления. Так, в одном из приговоров Северобайкальского городского суда Республики Бурятия указывалось, что состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 195 УК РФ считается оконченным в момент подписания договоров цессии с одними кредиторами в ущерб другим кредиторам [6]. Как видится, подобный подход распространяется на консенсуальные сделки (договоры), но не на реальные, так как в этом случае сделка считается состоявшейся (договор заключенным) только после передачи имущества.

Интерес представляет также одно из дел, находившихся в производстве Ленинского районного суда г. Курска [7], в котором индивидуальный предприниматель, обвинялась в воспрепятствовании деятельности

арбитражного управляющего, посредством перевода 8 млн руб. со счета, открытого финансовым управляющим на ее имя с целью аккумуляции денежных средств, полученных после реализации имущества, на другой счет этой гражданки. Финансовый управляющий, узнав о переводе денежных средств, составляющих конкурсную массу, в нарушение требований Закона о банкротстве, инициировал блокировку счета. Суд квалифицировал деяние лица по ч. 3 ст. 195 УК РФ, то есть как оконченное преступление. Как представляется, это не совсем верно, так как финансовый управляющий имел возможность контролировать подобного рода операции, что в данном случае исключает причинение ущерба кредиторам, следовательно гражданке необходимо инкриминировать ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 195 УК РФ.

Необходимость правильного определения окончания правонарушений при банкротстве обусловлена еще тем, что преступление относится к категории преступлений небольшой тяжести, следовательно, срок давности привлечения к уголовной ответственности согласно п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ составляет два года, учитывая, что процедура банкротства организации может длиться несколько лет, достаточно высока доля вероятности, что уголовное дело будет прекращено по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, как это было в одном из дел, рассматриваемых Ленинским районным судом г. Владивостока [5].

Немаловажным аспектом является определение потерпевшего при совершении преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ. Как показывает анализ материалов судебной практики единого подхода к решению данного вопроса у правоприменителей не сложилось, что подчеркивалось в справке Кемеровского областного суда [9]. Несмотря на то, что в диспозиции ст. 195 УК РФ речь идет о причинении крупного ущерба кредиторам, в ряде случаев суды признают потерпевшими не только их, но и само юридическое лицо [8] подчеркивая, что руководитель действовал вопреки интересам организации. Это представляется обоснованным, поскольку организация является самостоятельным субъектом гражданского оборота (ст. 48 Гражданского кодекса РФ [1]), следовательно, в ходе правонарушений при банкротстве ущерб, в первую очередь, причиняется организации за счет

уменьшения активов, как было в вышеприведенном деле Приокского районного суда г. Нижний Новгород, когда гражданин, являясь единственным учредителем организации и одновременно единоличным исполнительным органом, помимо прочего снял с регистрационного учета транспортное средство, производя тем самым, незаконное отчуждение имущества, принадлежащего предприятию.

Помимо рассмотренных выше особенностей правового регулирования и правоприменительной практики уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ, необходимо уделить внимание субъекту правонарушений при банкротстве, который является специальным [10, с. 568–569]:

- гражданин;
- индивидуальный предприниматель;
- представители органов управления организации, руководитель должника (лица, непосредственно влияющие на формирование и изъявление воли юридического лица, уполномоченные совершать сделки от его имени).

Подводя итог выше сказанному, необходимо отметить, что ст. 195 УК РФ имеет важное значение в современном правовом регулировании, учитывая возрастающую популярность института банкротства, поскольку закрепляет санкцию за совершение деяний, влекущих уменьшение конкурсной массы должника и, как следствие, причинение крупного ущерба кредиторам юридического лица, индивидуального предпринимателя или гражданина. Законодатель, ограничивая принцип свободы договора и свободу осуществления экономической деятельности, стремится стимулировать субъектов правоотношений действовать правомерно и добросовестно при возникновении признаков банкротства, создать механизм, гарантирующий порядок проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве, а также преследует цель защиты имущественных прав кредиторов, поскольку защита собственности является одной из основополагающих задач УК РФ. Однако абстрактность формулировок, несовершенство юридической техники и отсутствие единообразной правоприменительной практики по некоторым вопросам создают значительные трудности для применения ст. 195 УК РФ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
4. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики, порядка управления совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15.04.2013 № 04–4) // Судебные и нормативные акты РФ <www.sudact.ru> (дата обращения: 05.05.2019).
5. Постановление Ленинского районного суда г. Владивостока Приморского края от 25.04.2019 г. по делу № 1–181/2017 // СудПрактика.ру <<http://sud-praktika.ru/precedent/368206.html>> (дата обращения: 05.05.2019 г.).
6. Приговор Северобайкальского городского суда Республики Бурятия от 11.07.2018 г. по делу № 1–118/2018 // Судакт.ру <<https://sudact.ru/regular/doc/15hhqqGoJhL/>> (дата обращения: 05.05.2019 г.).

7. Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 10.09.2018 г. по делу № 1–428/2018 // Судакт.ру <<https://sudact.ru/regular/doc/uT6mAblBcBYR/?regular-txt=&regular-case>> (дата обращения: 05.05.2019 г.).
8. См.: Приговор Приокского районного суда г. Нижний Новгород // infocourt.ru <http://infocourt.ru/cag_prioksky-npov_nizhegorodobl_pfo/ug/434447/prigovor>; Приговор Советского районного суда г. Омска от 08.06.2018 г. по делу № 1–47/2018 // Судакт <<https://sudact.ru/regular/doc/h2EZDzP3LzJp/?regular-txt>> (дата обращения: 05.05.2019 г.).
9. Справка Кемеровского областного суда от 14.02.2012 г. № 01–08/26–153 о практике рассмотрения судами Кемеровской области уголовных дел о неправомерных действиях в сфере банкротства (ст. ст. 195–197 УК РФ) // Гарант <www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/7428356/> (дата обращения: 05.05.2019).
10. Уголовное право России. Часть Общая и Особенная: учебник / под. ред. А. В. Бриллиантова. М., 2017. 1184 с.

Проблема уклонения от срочной службы в Вооруженных Силах РФ

Скороходов Александр Михайлович, студент
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Обязанность нести военную службу и защищать Отечество закреплена в статье 59 Конституции РФ. Каждый гражданин мужского пола, достигший призывного возраста и годный по состоянию здоровья, обязан отдать долг Родине и пройти срочную службу в ее Вооруженных Силах, однако не каждый призывник осознает серьезность выполнения такой обязанности, из-за чего и возникает такая проблема, как уклонение от военной службы. Давайте подробнее рассмотрим ее суть.

Уклонение от срочной службы в Вооруженных силах — это умышленные действия гражданина, подлежащего призыву на военную службу или проходящего ее, направленные на освобождение от установленного порядка призыва, прохождения или исполнения обязанностей военной службы путём симуляции болезни или иными способами.

Случаи как единичного, так и массового уклонения от службы встречаются на протяжении всей мировой истории, одним из самых ярких является проведение так называемыми «уклонистами» массовых демонстраций против призыва в армию США, во время войны во Вьетнаме, с требованиями остановить затяжной и кровопролитный конфликт. Стоит отметить, что в рамках всех военных кампаний могут появляться группы людей, которые не желают воевать на стороне государства, чьими гражданами являются в силу своих политических, идеологических или мировоззренческих взглядов.

Можно выделить следующие способы уклонения от военной службы: симуляция болезни; подкуп; членовредительство; игнорирование гражданином без уважительных причин мероприятий, связанных с призывом на военную службу, выражающееся в неявке на эти мероприятия; предоставление подложных документов в качестве оснований для предоставления отсрочки либо освобождения от призыва; неявка без уважительных причин по повесткам военного комиссариата на медицинское освидетельствование, заседание призывной комиссии или в военный комиссариат для отправки к месту прохождения военной службы;

В Российской Федерации существует административная и уголовная ответственность за уклонение от военной службы.

Административная ответственность предусмотрена статьями 21.5 КоАП РФ [2] — «неисполнение гражданином обязанностей по воинскому учету» и 21.6 — «уклонение от медицинского обследования». Оба эти правонарушения отражают вышеупомянутые способы уклонения, а именно способы под номером 5 и 7 соответственно. Примечательно, что санкции за данные правонарушения весьма незначительны, ведь они влекут всего лишь предупреждение или наложение административного штрафа в размере от ста до пятисот рублей. Однако, если подобные нарушения носят неоднократный, систематический характер, наступает уголовная ответственность.

Уголовная ответственность закреплена в части 1 статьи 328 Уголовного Кодекса РФ и звучит следующим образом: «Уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы». Рассмотрим состав данного преступления:

Объектом преступления выступают общественные отношения, связанные с организацией прохождения военной службы;

Объективная сторона выражается в уклонении от призыва на военную службу при отсутствии на то законных оснований для освобождения от нее (например, неоднократное игнорирование мероприятий, связанных с призывом на военную службу);

Субъектом данного преступления будет вменяемое физическое лицо мужского пола, достигшее 18 лет и подлежащее призыву на военную службу;

Субъективная сторона характеризуется прямым или косвенным умыслом

Конструкция состава формальная, то есть наступление последствий не имеет значение, важна реализация субъектом преступления своего умысла, то есть уклонение от службы.

В диспозиции статьи упоминаются законные основания для освобождения от военной службы, при наличии

которых состава преступления не будет. Эти основания закреплены в статье 23 ФЗ «О воинской обязанности и воинской службе». Итак, от призыва на военную службу освобождаются граждане:

- признанные ограниченно годными к военной службе по состоянию здоровья;
- проходящие или прошедшие военную службу в Российской Федерации;
- проходящие или прошедшие альтернативную гражданскую службу;
- прошедшие военную службу в другом государстве в случаях, предусмотренных международными договорами Российской Федерации;

Также необходимо упомянуть об уважительных причинах, при неявке в военный комиссариат по повестке, ведь при их наличии факта уклонения не будет. Эти причины закреплены в части 2 статьи 7 вышеупомянутого ФЗ «О воинской обязанности и воинской службе»:

- заболевание или увечье гражданина, связанные с утратой трудоспособности;
- тяжелое состояние здоровья отца, матери, жены, мужа, сына, дочери, родного брата, родной сестры, бабушки, дедушки или усыновителя гражданина либо участие в похоронах указанных лиц;
- препятствие, возникшее в результате действия непреодолимой силы, или иное обстоятельство, не зависящее от воли гражданина;
- иные причины, признанные уважительными призывной комиссией, комиссией по первоначальной постановке на воинский учет или судом.

Важно отметить, что уважительная причина будет действовать только при условии ее документального удостоверения.

Теперь рассмотрим меры наказания, назначаемого за совершение данного преступления. Статьей 328 УК РФ предусмотрены следующие санкции:

- штраф до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев;
- принудительные работы на срок до 2 лет;
- арест до 6 месяцев;
- лишение свободы до 2 лет;

Как можно заметить, меры ответственности за данное преступление на порядок серьезнее, чем меры административной ответственности. Данное преступление относится к категории преступлений небольшой тяжести, ведь максимальное наказание за его совершение не превышает 3-х лет лишения свободы. Однако в сравнении с уголовным законодательством других стран эти меры наказания кажутся незначительными. Например, по Уголовному Кодексу Болгарии [5, с 337] за уклонение от несения обязанности военной службы с намерением избежать навсегда несения такой обязанности предусмотрено наказание в виде лишения свободы от одного года до восьми лет. Эта цифра уже намного серьезнее, и возможно такое наказание реализует превентивную функцию намного эффективнее.

Далее необходимо рассмотреть причины уклонения от военной службы.

Во-первых, это психологическая причина: многие призывники уже в 18 лет получают повестку, однако морально они еще не готовы нести службу в Вооруженных силах, из-за этого у них возникает страх оказаться оторванными от родителей и повседневных удобств, из своей зоны комфорта на целый год. Ведь армейский быт кардинально отличается от гражданского, это и побуждает молодых граждан, едва ли достигших призывного возраста игнорировать призывные мероприятия в надежде избежать ответственность, при этом не осознавая возможности и неминуемости ее наступления.

Во-вторых, многие призывники изначально имеют некорректное представление о Вооруженных Силах нашего государства: узнав из неверных источников о дедовщине, плохих условиях проживания, неуважительном отношении командиров и личного состава к новоприбывшим служащим, молодой гражданин формирует не самое лучшее мнение о службе в армии и защите Отечества.

В-третьих, некоторые граждане, осведомленные об административной и уголовной ответственности за уклонение от срочной службы, все равно продолжают скрываться от органов воинского учета, считая санкции несерьезными. Такие призывники зачастую находят способы уйти от ответственности всеми возможными способами, вплоть до систематических смен места жительства или предоставления поддельных документов в призывную комиссию.

В заключении рассмотрим возможные пути решения данной проблемы.

Одним из самых эффективных методов, по моему мнению, будет увеличение возможных санкций за уклонение от военной службы, например, увеличение штрафов в санкциях вышеупомянутых статей КоАП в десятикратном размере, а также добавление такого вида наказания, как административный арест. Что касается уголовной ответственности, то здесь необходимо исключить все виды наказания кроме лишения свободы, и обратившись к опыту зарубежных стран, увеличить срок наказания до 10 лет.

Второй способ решения данной проблемы заключается в следующем: необходимо законодательно повысить призывной возраст хотя бы до 20 лет, чтобы у молодых граждан было время осознать их дальнейший жизненный путь, сформировать правильное отношение к службе в армии, научиться осознавать ответственность за свои действия.

Завершая, хотелось бы заметить, что проблема уклонения от военной службы существует еще с появления первых государств и силовых структур человечества: всегда были люди, морально и психологически не готовые в силу ряда причин защищать свой народ, поэтому вышеописанная проблема вряд ли потеряет свою актуальность. Однако только государству по силам решить ее применяя выше предложенные способы, или хотя бы сократить количество уклоняющихся.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ / «Российская газета», N 256, 31.12.2001.
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ / «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
4. Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» / «Российская газета», N 63–64, 02.04.1998.
5. Ахметшин Х. С. Военно-уголовное право: учебник / [Ахметшин Хасан Мубаракович и др.]; под ред. Х. М. Ахметшина, О. К. Зателепина; предисл. А. Я. Петроченкова; Военный ун-т. — Москва: За права военнослужащих, 2008 (Ярославль: Ярославский полиграфкомбинат). — 383 с;
6. Бриллиантов А. В. Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник / [Блинные В. А., Бриллиантов А. В., Вагин О. А. и др.]; под редакцией доктора юридических наук, профессора А. В. Бриллиантова. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2017. — 1184 с;
7. Ермолович Я. Н. Военно-уголовное право: история, теория, современные проблемы и методология исследования / [Ермолович Ярослав Николаевич и др.; ред. Тюрина О. А.]. — Москва: За права военнослужащих, 2010. — 447 с.

Понятие и признаки хищения в соответствии с УК РФ

Хорьков Станислав Андреевич, студент;

Свиридова Дарья Алексеевна, студент;

Ваганов Алексей Васильевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье рассмотрены актуальные вопросы относительно определения предмета и признаков хищения.

Ключевые слова: хищение, объект, видовой объект, предмет хищения, признаки хищения.

Хищение определено законодательно в примечание ст. 158 УК РФ. Под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. В приведенном выше понятие отражается родовая состав хищения, который характерен для всех форм хищения. Любое понятие состоит из основополагающих признаков. Понятие хищения не является исключением. Противоправность является признаком хищения, как и во всех остальных общественно-опасных деяниях. Основным элементом данного преступления выступает предмет хищения, что также является его признаком. К объективной стороне хищения относятся действия, направленные на безвозмездное изъятие чужого имущества и (или) обращение имущества в пользу виновного лица или других лиц. Корыстная цель выступает признаком хищения, которая относится к субъективной стороне преступления.

Видовым объектом хищения являются отношения собственности, а право собственности лица на конкретное имущество выступает непосредственным объектом хищения. В хищении предметом всегда выступает чужое имущество. Гражданское законодательство определяет имущество в вещах, деньгах, ценных бумагах. Вещи

как объект хищения не вызывает каких-либо трудностей, а деньги и ценные бумаги вызывают иногда на практике неопределенность. В большинстве случаев, предметом хищения выступают деньги, которые находятся в обращении. Но бывают случаи, когда предметом хищения могут выступать и деньги, которые были изъяты из обращения, но они могут подлежать обмену на деньги, которые находятся в обращении. Также в предмет хищения входят и такие деньги, которые уже давно были изъяты из обращения, но данный вид денег обладает определенной стоимостью, и имеют ценность: например: редкие и старинные монеты, которые имеют историческую и культурную ценность.

В предмет хищения входят и безналичные денежные средства, которые находятся на хранение в банках и кредитных организациях. Похитить безналичные денежные средства возможно различными альтернативными способами. Во-первых, похищаются денежные средства виновными лицами с помощью поддельных документов, которые предъявляются данными лицами в банк или иную организацию (например, именные ценные бумаги). Во-вторых, хищение безналичных денежных средств возможно и путем похищения чужих банковских (кредитных) карт и т. п. Похищение кредитной карты не является окончательным хищением, в данном случае данное действие

выступает приготовлением к хищению, при наличии цели у виновного лица завладеть в дальнейшем суммой, которая находится на карте. Хищение будет окончательным только в случае, когда виновное лицо использует карту по её назначению, например, для того, чтобы расплатиться за определенный товар в магазине.

Что касается ценных бумаг, то предметом хищения будут являться только ценные бумаги на предъявителя, они являются объектом законченного хищения. В случае, когда виновное лицо, похищает ценные бумаги иных видов (ордерные, именные) с корыстной целью, то данное деяние образует приготовление к мошенничеству. Имущество, которое похищенное должно находиться во владении собственника или во владении иных лиц, но только законном. Хищение — это всегда противоправное деяние. Таким образом, не является предметом хищения имущество, которые находятся в законном владении данного лица. Противоправное изъятие имущества, которое принадлежит виновному лицу, но находится у другого лица, хищения не образует, но может образовывать состав статьи 330 УК РФ. Особое внимание законодатель уделил объектам с особым правовым статусом. Они не входят в предмет хищения. Примерами таких объектов является: радиоактивные вещества и ядерные материалы; огнестрельное оружие, детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства; химическое, ядерное,

биологическое и иные виды оружия массового поражения, оборудование, которое предназначено для создания оружия массового поражения; наркотические средства и психотропные вещества. Все эти особые объекты входят в предмет специальных составов, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ.

Объект недвижимости может входить в предмет хищения, только если он находится в частной собственности. Говорить о хищении нельзя в случае, если объект недвижимости по определению не может быть изъят и невозможно обратить его в свою или чью-то еще пользу.

Экономическими признаками предмета хищения являются:

1. Материальная ценность имущества;
2. Человеческий труд, который вложен в предмет и выделяет его из естественного состояния.

Материальная ценность — это предназначенность для удовлетворения различных потребностей человека (материальных, духовных и иных). Духовные потребности человека удовлетворяют, те предметы, которые свидетельствуют о признании его заслуг, вручение ему наград. Таким образом, следует признать предметом хищения различные наградные знаки отличия (медали и ордена), в том случае, если они представляют большую материальную ценность. Стоит отметить, что сбыт похищенных наград, а также их приобретение образует состав преступления, предусмотренного ст. 324 УК РФ.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019). М.: Издательство «Экзамен».
2. Бойцов, А.И. Преступления против собственности // СПб., 2002. — 157 с.
3. Елисеев, С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России // Томск, 1999. — 147с.

Причины и условия, способствующие латентности преступности

Ширгазина Алина Ленаровна, студент магистратуры
Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону)

Латентная преступность возникает по определённым причинам и условиям. Их принято изучать в теории криминологии. Причины и условия делятся на два вида: скрытые населением или скрываемые сотрудниками правоохранительных органов. Данные виды в свою очередь подразделяются на объективные и субъективные. Необходимо рассмотреть их содержание, значение и область распространения.

Ключевые слова: преступность, латентность, латентная преступность, причины латентности, условия латентности, преступление.

Latent crime arises for certain reasons and conditions. They can be studied in the theory of criminology. The reasons and conditions are divided into two views: hidden by the population or hidden by law enforcement officers. These types are in turn subdivided into objective and subjective. It is necessary to consider their content, value and the field of distribution.

Keywords: crime, latency, latent crime, reasons of latency, latency condition, crime.

Латентная преступность существовала во все времена. Она относится к объективной криминологической закономерности. Практически везде и во всех государствах

преступность можно охарактеризовать высоким уровнем латентности. Россия не является исключением.

На современном этапе проблема латентности преступности исследуется авторами научных работ. Они выдвигают два подхода проведения исследования: комплексный подход и по отдельным видам преступлений. Причины латентности по отдельным видам преступлений следует анализировать в определённых трудах, так как количество видов преступлений много. В отношении комплексного подхода всё намного проще. В теории имеется большое число авторов, которые устанавливают не только понятие, но и основные причины и условия, способствующие латентности преступности. Исследование происходит, отталкиваясь от природы латентности. [7]

Если анализировать и сравнивать большое количество юридической литературы, то можно выявить, что в науке выделяют несколько видов причин, способствующих латентности преступности. Необходимо рассмотреть наиболее существенные причины и условия, которые способствуют латентности преступности.

К первой и основной группе следует отнести общие причины и условия. В их список входит:

1. Уровень правосознания причисляется к одной из главных причин. Он содержит в себе несколько аспектов: моральное правосознание граждан, правосознание профессиональных работников правоохранительных органов. В соответствии со статистическими данными к причине относится сомнение населения в эффективности работы правоохранительных органов. Из-за этого население иногда отказывается сообщать в полицию о преступлении. Вследствие чего возникает латентность преступности. Иншакова С. М. в своих исследованиях приходит к выводу, что граждане нашей страны не доверяют правоохранительным органам и государству. В определённых субъектах РФ появляются общественные учреждения, которые занимаются защитой населения от нарушений сотрудников полиции. [6] Гражданская активность, которая направлена на донесение сведений до правоохранительных органов о совершённых преступлениях, исходя из практики, может выражаться разным образом. Гражданин становится обладателем такой информации, если он каким-то образом соприкасается с преступлением. Это проявляется в двух ситуациях: человек является свидетелем совершённого преступления на его глазах или становится очевидцем преступных последствий; человек получил информацию о преступлении от третьих лиц. При остальных обстоятельствах гражданин может обладать необходимыми сведениями о преступлении, которое совершалось непосредственно против него. В данном случае он является потерпевшим. Изучая прописанную причину, следует сказать, что гражданская активность при обнаружении латентных преступлений находится в зависимости от их личного правосознания. Однако, на практике можно проследить, что не все межличностные конфликты, которые содержат признаки преступлений, будут известны органам полиции. Такие ситуации в большей степени не будут оглашены и, следовательно, не зарегистрированы как преступление. Для разрешения таких проблем, правоохранительные органы должны очень осторожно вмешиваться в данные отношения.

2. Общественная опасность преступного деяния, которое было совершено. Ни у кого не будет вызывать сомнение, что убийство (ст. 105 УК РФ) или причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) наделяется степенью повышенной опасности. [3] Если производить субъективное оценивание, то некоторые решают, что такой тезис неправильный или неправомерный. Из этого следует, что чем больше, с точки зрения свидетелей и потерпевших преступления, опасность деяния, тем выше вероятность, что они передадут данную информацию в органы правоохранительной системы. Совсем по-другому будет строиться оценка моральной составляющей, когда субъект столкнётся с иной ситуацией. Например, уличная драка, хулиганство (ст. 213 УК РФ), фальсификация итогов голосования. При изучении данных преступных деяний видно, что их общественная опасность намного меньше, чем у тех, которые указывались выше. Следовательно, иногда субъекты могут и не заявлять об этом в полицию, ведь степень общественной опасности не настолько высока.

3. Характер наступивших преступных последствий, их оценка. Потерпевшие, свидетели и иные заинтересованные лица могут по-разному оценивать последствия, которые произошли после преступления. Такое обстоятельство оказывает значительное воздействие на выбор субъекта. Он либо будет подавать заявление о преступлении либо не будет. Исходя из выбора, он планирует вероятные последствия, которые повлияют на него, виновного или на других лиц.

К общим причинам следует относить те, которые указываются выше. Их список не является исчерпывающим, но перечисленные причины и условия принято считать основными.

В теории выделяют так же и причины скрытой преступности (зависящие от воли граждан, населения). Они подразделяются на объективные и субъективные.

Объективные причины и условия скрытой преступности:

- состояние здоровья свидетеля или потерпевшего. По этой причине он может не иметь возможности передать нужную информацию полиции. В качестве примера следует привести ситуации, когда лицо находится в бессознательном состоянии или потеряло память;
- лицо находится в таком месте, где связаться с сотрудниками достаточно трудно или в принципе невозможно;
- лицо обладает недостаточной информацией о преступном деянии, что не позволяет правильно проинформировать квалификацию преступления. Например, гражданин увидел только момент побега виновного с места преступления;
- наличие абсолютной неизвестности. Преступление, которое совершено неизвестно никому;
- смерть потерпевшего.

Субъективные причины и условия скрытой преступности:

- недоверие потерпевшего и свидетеля, что преступление будет раскрыто;

- наличие правового нигилизма, а именно уверенность в том, что полиция не отреагирует на заявление;
- вероятность, что станут известны проступки заявителя;
- уверенность, что лицо самостоятельно разберётся с виновным. Данная причина достаточно редко указывается учёными в криминологии;
- страх перед мстостью со стороны преступника;
- лицо сочувствует преступнику. Так происходит, когда преступление совершает подросток или престарелый человек, близкий член семьи или родственник;
- отсутствие желания разглашать сведения;
- лицо считает, что причинённый вред является незначительным, и нет смысла тратить время на подачу заявления. [4]

Наличие указанных причин, которые зависят от населения, не означает, что не существует причин, которые непосредственно зависят от сотрудников правоохранительных органов. Они так же разделяются на объективные и субъективные.

Объективные причины и условия скрываемой преступности:

- большой объём работы сотрудников полиции, который не позволяет соответствующим образом отслеживать все заявления о преступлениях. Долгова А. И. в своих научных трудах указывает, что на сегодняшний момент правоохранительные органы не могут перерабатывать все сведения о совершаемых преступлениях; [5]
- недостаток в материальной базе и технической обеспеченности, что затрудняет работу;
- отсутствие опыта или низкая профессиональная подготовка сотрудников;
- оценивание качественной составляющей правоохранительной деятельности по раскрываемости.

Субъективные причины и условия скрываемой преступности:

- отсутствие желания регистрировать дела, которые будут тяжело раскрываться или которые не имеют судебной перспективы. Обычно такие причины случаются, когда может испортиться процент раскрываемости;
- халатное отношение к выполняемой работе, которое вызвано ленью или иными факторами;
- ложно понятые интересы службы, то есть стремление получать только отличные показатели по работе;
- наличие ошибок при квалификации преступлений, что приводит к необоснованным отказам возбуждать дела;
- наличие коррупционных мотивов;
- проявление пассивности сотрудников в отношении обнаружения и выявления преступлений, которые готовятся или уже совершены;
- отсутствие желания расследовать сложные дела.

Полномочия и компетенция, а также обязанность сотрудников правоохранительных органов принимать заявление о совершённом преступлении указываются в Федеральном Законе «О полиции». [2] Это означает, что на практике не должно возникать ситуаций, когда сотрудник не заявляет о преступлении или не регистрирует его. Такими действиями нарушается принцип законности, который прямо указан в ст. 15 Конституции РФ. [1]

Причины и условия, которые способствуют латентности преступности, могут быть всевозможными. Всё зависит от конкретной ситуации. Возможно, подробно изучив и исследовав причины и условия, получится уменьшить их количество, что приведёт к сокращению латентности преступности. Для такого результата необходимо принимать существенные меры, позволяющие минимизировать латентность.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета, 25.12.1993, № 237.
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета, 08.02.2011, № 25.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
4. Алексеева, А. П., Заблочкая, А. Г., Колбасина, Е. Е. Латентная преступность: понятие, причины, способы измерения и противодействия. / Учебное пособие // Волгоград: ВА МВД России, 2016, 88 с.
5. Долгова, А. И. Преступность, национальная безопасность, бизнес / Под общ. ред. // М.: Российская криминологическая ассоциация, 2016, 360 с.
6. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С. М. Иншакова // М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015, 351 с.
7. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. — 4-е изд., перераб. и доп. // М.: Норма: Инфра-М, 2015, 1008 с.

Противодействие коррупции в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд уголовно-правовыми средствами: отдельные положения законодательной регламентации

Шмиров Евгений Валерьевич, следователь

Следственное управление следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округу

Научный руководитель: Скрипченко Нина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

Ни для кого не секрет, что коррупция в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок в настоящее время набирает серьезные обороты в сфере функционирования государственно-правовых отношений. При этом сформированный в настоящее время комплекс уголовно-правовых мер воздействия не отвечает всей специфике развития этого феномена, что требует введения однозначных неотъемлемых и устойчивых механизмов борьбы с коррупцией на законодательном уровне, путем установления определенных уголовно-правовых запретов.

Ключевые слова: коррупция, закупки для государственных и муниципальных нужд, уголовно-правовые средства, коммерческий подкуп, взяточничество, публичные торги.

Коррупция в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок является одним из прогрессирующих видов преступлений в настоящее время. Это обусловлено тем, что закрепленная в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ) процедура осуществления закупок за относительно небольшой срок действия закона (5 лет), претерпела ряд функциональных изменений. Учитывая, что процедура осуществления закупок в Законе № 44-ФЗ по своей сути направлена на минимизацию рисков проявления коррупционных нарушений в сфере заключения контрактов в форме конкурса или аукциона, она же, с другой стороны, в связи с наличием законодательных пробелов регулирования, является средой для создания махинаций между недобросовестными заказчиками и поставщиками, обуславливающей рост коррупции в масштабах государства. При этом, процедура осуществления закупок товаров, работ и услуг применительно к положениям Закона № 44-ФЗ активно используется государством в лице его уполномоченных органов и должностных лиц, так как сфера осуществления государственных закупок с точки зрения технико-информационной составляющей в настоящее время является одним из приоритетных направлений деятельности государства, обеспечивающей с одной стороны интересы государственные, связанные с приобретением определенных товаров, выполнением работ, оказанием услуг, а с другой — общественные, так как от уровня защищенности государства, его благосостояния, напрямую зависит степень защищенности и благосостояния граждан данного государства.

С учетом общественной опасности преступлений, совершаемых в сфере госзаказа, а также, в связи с тем, что государственные закупки являются одним из ресурсов обеспечения национальной безопасности, необходимо,

на наш взгляд, дополнить закрепленный в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) комплекс уголовно-правовых запретов, являющихся средством противодействия коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок.

1. Безусловно, государственные и муниципальные закупки связаны с особой формой образования и расходования бюджетных средств, являющихся финансовыми инструментами реализации основных задач и функций государственной власти. При осуществлении закупок для государственных (муниципальных) нужд недобросовестные чиновники и субъекты предпринимательской деятельности вступают в преступный сговор с целью извлечения личной выгоды, что можно трактовать как создание картеля, который представляет из себя построенную на договорной основе систему взаимоотношений между фирмами, компаниями и иными субъектами предпринимательской деятельности. Должностное лицо выступающее от лица заказчика при благоприятной криминальной среде, в случае не выявления факта указанных коррупционных отношений правоохранительными органами, в связи с латентным характером преступления, может благоприятствовать более прочной системе коррупционных отношений с недобросовестными поставщиками, а значит в своей составляющей его можно относить к участнику картеля. Необходимо криминализовать преступные действия должностных лиц, выступающих от заказчика при осуществлении государственных и муниципальных закупок для защиты публичных правоотношений от негативных последствий коррупции, связанной с лоббированием интересов недобросовестных поставщиков.

В связи с вышеизложенным, необходимо закрепить в УК РФ уголовно-правовую норму, предусматривающую ответственность должностного лица, создавшего картель, с установлением санкции в виде лишения свободы. Предлагается дополнить УК РФ ст. ... «Создание картеля

должностным лицом», предусматривающей ответственность за создание картеля, то есть устойчивого образования экономических отношений между ограниченным кругом участников-поставщиков, лоббируемых должностным лицом, выполняющим организационно-распорядительные функции, на которого прямо или косвенно возложены обязанности по обеспечению, сопровождению и заключению контрактов на обеспечение государственных нужд, — наказывается лишением свободы на срок до 7 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет».

1. В действующем УК РФ предусмотрено 2 состава преступлений, предусматривающих ответственность посредника за осуществление преступных действий, связанные с передачей взятки (коммерческого подкупа) по поручению взяткодателя или взяточполучателя либо, который иным образом способствует в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки (коммерческого подкупа) — ст. 200⁴ УК РФ (посредничество в коммерческом подкупе) и ст. 291¹ УК РФ (посредничество во взяточничестве). Закон № 44-ФЗ предусматривает процедуру осуществления закупочной деятельности, установив, что третьим, не заинтересованным в ходе заключения сделки между поставщиком и заказчиком, лицом является сотрудник контрактного агентства — специализированной организации, которая полномочна публиковать на информационном ресурсе сведения об участниках торговой деятельности, предмете контракта, цен и т. п. В указанной ситуации нередки случаи подкупа сотрудника контрактного агентства через посредника, действующего в интересах недобросовестных заказчиков и (или) поставщиков, что обуславливает повышенную общественную опасность данного коррупционного преступления. В связи с вышеизложенным необходимо закрепить в УК РФ уголовно-правовую норму, предусматривающую ответственность посредника в подкупе сотрудника контрактного агентства, с установлением санкции в виде лишения свободы.

Предлагается дополнить УК РФ ст. ... Посредничество в подкупе работника контрактного агентства — «Посредничество в подкупе работника контрактного агентства, то есть непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяточполучателя (работника контрактного агентства) либо иное содействие взяткодателю и (или) взяточполучателю (работнику контрактного агентства) в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки... наказывается лишением свободы на срок до 5 лет».

3. В соответствии со ст. 38 Закона № 44-ФЗ контрактный управляющий — должностное лицо контрактной службы, основные функции которого направлены на установление правовой взаимосвязи между поставщиком и заказчиком. Оно обладает организационными полномочиями, использует ресурсы, направленные на обеспечение отбора поставщиков, которые предлагают продукцию, услуги и работы, соответствующие критериям, заданным технической документацией поставщика, имеет доступ к публикуемым сведениям

на информационном ресурсе. В настоящее время большинство коррупционных схем, направленных на незаконное лоббирование интересов субъектов предпринимательства, осуществляется через сотрудников контрактного агентства. Указанное свидетельствует об общественной опасности преступлений, совершаемых контрактным управляющим, который может обеспечить победу недобросовестному участнику торгов вопреки интересам заказчика, путем предоставления фиктивной информации о качественных характеристиках закупаемого товара (сведения о сертификации товара, о соответствии его техническому заданию поставщика и т. п.), ограничивая своими действиями свободную конкуренцию, а также ставя под угрозу здоровье граждан (применительно к сфере здравоохранения). В настоящее время предусмотренные ст.ст. 200⁴, 200⁵ УК РФ санкции в виде лишения свободы, штрафа и лишения права заниматься определенной деятельностью значительно ниже санкций за преступления, совершаемые субъектами, предусмотренными в гл. 30 УК РФ. Необходимо ужесточить санкции ст.ст. 200⁴, 200⁵ УК РФ путем предусмотрения наказаний в виде лишения свободы на срок до 7 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет, увеличения размера штрафов за получение взятки не менее чем в 20-кратном размере в отношении сотрудников контрактной службы, и наказания в виде ограничения права на участие в государственных и муниципальных закупках сроком до 5 лет в отношении недобросовестных поставщиков, подкупивших контрактного управляющего с целью обеспечения своей победы в конкурсе или аукционе. Усиление уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 200⁴, 200⁵ УК РФ производит акцент на неизбежность и особую значимость охраняемых уголовным законом общественных отношений в сфере осуществления государственных закупок, которые обеспечивают нормальное функционирование государственных и общественных институтов, различных отраслей (экономика, политика, здравоохранение и т. д.), так и в целом государственной, а значит, и общественной безопасности.

4. Необходимо восстановить конфискацию имущества в числе наказаний, закрепленных в ст. 44 УК РФ. При этом, следует предусмотреть возможность применения данного наказания в борьбе с проявлениями преступлений коррупционной направленности, в частности, в сфере функционирования государственных закупок применительно к конкретным статьям Особенной части УК РФ (ст. 159, 160, 178, 200⁴, 200⁵, 285, 286, 290, 291, 291¹, 291², 292 УК РФ). Введение рассматриваемого вида наказания обусловит эффективность противодействия коррупционным преступлениям. Кроме того, применение данной меры уголовно-правового воздействия обеспечит неотвратимость и справедливость наказания за совершенное преступление. Следует обратить внимание на то, что конфискации должно подлежать не только имущество, находящееся у коррупционера, но и у иных лиц, которым оно могло быть передано чиновником для сокрытия незаконно извлеченных доходов от преступной сделки.

5. В соответствии с международными стандартами и зарубежным опытом борьбы с коррупцией в сфере государственных и муниципальных закупок следует, что действенным механизмом в достижении указанного направления будет являться не только принятие тех или иных поправок к законодательству. Опыт зарубежных стран показал, что в борьбе с проявлением коррупции необходимо привлекать всевозможные инструменты, а именно, в государстве должна быть сформирована политическая конкуренция, независимость судебных органов, правильная мотивация государственных служащих, активная антикоррупционная политика государства. При этом, важнейшим инструментом выявления и противодействия преступлениям в сфере заключения государственных контрактов является механизм административных и уголовно-правовых норм, комплекс которых направлен не только на наступление ответственности конкретных лиц, действующих со стороны поставщика (взятокодателя) и должностного лица государственного заказчика (взятокопучателя), но и в целом на такую организацию, ограничивая её последующее участие в государственных и муниципальных заказах.

Кроме того, область публичных торгов есть комплексный институт финансово-хозяйственной деятельности с высокими коррупционными рисками подкупов, хищений, вымогательств, «откатов», антиконкурентных соглашений, сговоров, различных форм обманов, подлогов и фальсификаций, и его уголовно-правовую охрану не стоит ограничивать поверхностными изменениями одной, двух и (или) трех норм. Общеправовая функциональность этого института должна познаваться не только в узкопрофильном подходе к введению ответственности за подкупы и хищения, но и, не боясь этого масштаба, в криминализации «конгломерата» иных деяний, сопряженных со сферой государственных закупок.

В этой связи изучение и анализ международного опыта имеет особое значение для выявления и использования «лучших практик» в борьбе с коррупцией, в частности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.

Эффективность размещения государственных закупок будет высокой только в том случае, если преступность в этой сфере будет искоренена. В этом плане роль уголовно-правовых мер безусловно очевидна.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 05 апреля 2013 года № 44-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. — 2013. — № 6056 (80) — 12 апр.
3. Гостева, С. Р. Противодействие коррупции — важнейшее условие укрепления национальной безопасности России [Текст]: Юридический мир. / С. Р. Гостева. — 2011. — № 1. — С. 12–20.
4. Зверева, Н. П. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд [Текст]: Российский следователь / Н. П. Зверева. — 2017. — № 24. — С. 16–18.
5. Курбанов, М. С. Квалификация правонарушений и преступлений в сфере расходования бюджетных средств при осуществлении государственных закупок [Текст]: Финансовое право / М. С. Курбанов. — 2015. — № 12. — С. 37–39.
6. Назарова, Д. С. Вопросы криминализации мошенничества в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд [Текст]: Вестник Удмуртского университета. / Д. С. Назарова. — 2016. — № 3. — С. 117–122.
7. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума ВС РФ от 09 июля 2013 г. № 24 // Российская газета. — 2013. — № 154. — 17 июл.
8. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Российская газета. — № 280. — 11 дек.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Причины непризнания и неисполнения решений международных коммерческих арбитражей на территории Российской Федерации

Косарева Лина Александровна, студент

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (г. Калининград)

В данной статье рассматриваются основные причины в отказе признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения судами Российской Федерации. Так, исключительный интерес вызывают такие основания как ненадлежащее уведомление одной из сторон об условиях арбитражного разбирательства, неарбитрабельность спора, противоречие рассмотрению спора арбитражному соглашению. Более того, важно отметить, что на сегодняшний день наиболее частым основанием для непризнания и не приведения в исполнение международного третейского решения является противоречие его публичному порядку России. Данная концепция является комплексной и требует особого внимания со стороны государственных судебных органов.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, признание и исполнение решения международного коммерческого арбитража, Нью-Йоркская Конвенция 1958 г., публичный порядок.

Многие зарубежные и российские авторы отмечают тот факт, что международный коммерческий арбитраж является универсальным механизмом разрешения различных внешнеторговых споров благодаря значимому свойству окончательности и особому механизму легализации арбитражных решений на территории их признания. Однако необходимо учесть, что именно государственные суды признают и приводят в исполнение решения МКА, а также обладают правом на отказ в совершении настоящей процедуры. Данная концепция не должна быть рассмотрена в негативном аспекте, поскольку указанная возможность необходима для контроля государством деятельности МКА на своей территории.

Основания для непризнания и неисполнения решения международного коммерческого арбитража регулируется статьей 244 главы 31 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), статьей 36 Закона Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» (далее — Закон РФ о МКА) и статьей V Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (далее — Нью — Йоркская Конвенция 1958 г.). Стоит оговориться, что статья 36 Закона РФ «О МКА» содержит в себе тождественные основания, что и Нью — Йоркская Конвенция 1958 г. Также данные основания содержатся в статье 9 Европейской Конвенции о внешнеторговом арбитраже.

Согласно Нью-Йоркской Конвенции 1958 г. и национальному праву сторона, уступившая в споре, может

заявить о несогласии с признанием и исполнением на территории Российской Федерации арбитражного решения и предоставить доказательства в том, что:

а) существует порок арбитражного соглашения, который выражается в том, что стороны или одна из сторон были (а) недееспособны (а) при заключении вышеуказанного соглашения, либо оно противоречит применимому к нему праву;

б) сторона, претерпевающая отрицательные последствия от арбитражного решения, не была должным образом уведомлена о назначении арбитров, дате и времени арбитражного разбирательства либо по иным причинам не смогла реализовать свое право на участие в процессе согласно принципу равноправия третейского разбирательства;

с) международный судебный орган превысил свою компетенцию и вышел за рамки арбитражного соглашения или арбитражной оговорки путем вынесения решения по вопросам, которые не были установлены в соответствии с автономией воли контрагентов;

д) состав арбитров, равно как и арбитражный процесс не соответствовали условиям, указанным в арбитражном соглашении сторон;

е) решение международного коммерческого арбитража еще не приобрело такую существенную характеристику, как окончательность. Более того, сторона может указать, что решение международного арбитража было отменено компетентным органом в стране его вынесения, либо органом того государства, право которого является применимым.

У арбитражных судов есть два варианта, когда они управомочены самостоятельно, не опираясь на волеизъявления сторон, отказать в признании и исполнении решений МКА. Во-первых, спор не мог быть рассмотрен международным третейским органом в силу того условия, что он является неарбитрабельным по закону Российской Федерации. Во-вторых, признание и исполнение этого решения нарушит публичный порядок России.

Согласно Исследованию Российской арбитражной ассоциации о применении Нью-Йоркской конвенции российскими судами в 2008—2017 годы (далее Исследование РАА), ненадлежащее уведомление одной из сторон об условиях арбитражного разбирательства (статья V 1 (b) Нью-Йоркской Конвенции 1958 г.) представляет собой одну из наиболее часто встречающихся причин для отказа арбитражным судом в признании и исполнении арбитражного решения [5]. Данные обстоятельства должны быть доказаны на судебном заседании должником, если они были заявлены в обоснование непризнания и неисполнения арбитражного решения.

Некоторые АС РФ рассматривают надлежащее уведомление сторон арбитражного разбирательства с позиции использования положений Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам (далее — Гагская Конвенция 1965 г.), которая не применима к международному коммерческому арбитражному процессу [1, с. 14]. Так, определением АС города Москвы от 28 июля 2015 г. не было признано и исполнено решение Арбитражного суда при Экономической палате Чешской Республики и Аграрной палате Чешской Республики. АС РФ указал, что в материалах дела отсутствуют какие-либо доказательства, указывающие на должное уведомление участников арбитражного процесса согласно требованиям Гагской Конвенции 1965 г. [15]. Именно в результате несоответствия уведомления об арбитражном процессе вышеуказанному международному договору Российской Федерации выигравшей стороне было отказано в экзекватуре. Данная судебная практика ограничивает право стороны, претерпевшей негативные последствия от неисполнения контрагентом своих обязательств, в получении должной компенсации.

Хотелось бы особенно подчеркнуть тот факт, что государственные суды также часто в определениях и постановлениях ссылаются на нормативно-правовые акты или отдельные нормы законодательства, которые не применимы к отношениям, возникающим при признании и исполнении решений МКА. Ярким примером является то, что при разрешении вышеуказанного дела судьи могут ссылаются на положения Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. или на нормы Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (далее — Киевское Соглашение 1992 г.). Так, в определении АС Республики Дагестан от 21 октября 2014 года о легализации решения арбитражного суда при Торгово-Промышленной палате Республики Казахстан было указано, что данный случай регламентируется Киевским соглашением 1992 г.

Более того, государственный суд даже не упомянул Нью-Йоркскую Конвенцию 1958 г. — единственный унифицированный международный акт, который регулирует признание и исполнение в указанном процессе [18]. Также, можно привести в пример АС Поволжского округа от 9 сентября 2016 года, где в основание отказа в признании и исполнении иностранного арбитражного решения были использованы статьи 7—9 Киевского Соглашения 1992 г. [20].

В свою очередь, необходимо отметить важность наличия действительного арбитражного соглашения, которое будет указывать на юрисдикцию определенного третейского центра. Так, в Определении ВС РФ от 24 мая 2019 указано, что товарищество с ограниченной ответственностью «ASIDAPHARMA» подало заявление на признание и приведение в исполнение решения Арбитражного центра Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен». Однако проигравшая сторона, акционерное общество «ОРТАТ», заявила об отсутствии у вышеуказанного арбитражного органа компетенции на рассмотрение спора в силу несуществования арбитражного соглашения. Спор, согласно позиции акционерного общества, должен был быть рассмотрен в государственном арбитражном суде, а указание в договоре поставки только термина «арбитражный суд» не позволяет однозначно утверждать о согласии каждой стороны именно на третейскую форму урегулирования спора именно в арбитражном центре «Атамекен». ВС РФ согласился с настоящими доводами, отметив, что арбитражный центр был не компетентен разрешать данный спор и признал свою юрисдикцию вопреки договору [19]. Соответственно, данное арбитражное решение, согласно статье V 1 (c) Нью-Йоркской Конвенции 1958 г., не может быть исполнено на территории Российской Федерации.

Еще одной причиной для отказа в легализации арбитражного решения на территории Российской Федерации является неарбитрабельность спора, т. е. отсутствие у него такой критичной характеристики как способность быть объектом третейского разбирательства. Хотелось бы отметить роль национального законодательства, регламентирующего компетенцию российских третейских судов. В рамках процедуры признания и приведения в исполнения АС РФ может оценить решение иностранного арбитражного суда на соответствие арбитрабельности данного спора согласно национальному законодательству. Нью-Йоркская Конвенция 1958 г. не приводит никаких требований и критериев к данному основанию для отказа в легализации арбитражного решения. Напротив, данный международный акт отсылает правоприменителя к условиям внутреннего законодательства, а именно к нормам, регулирующим компетенцию третейских органов.

Единогласно, включающего в себя все группы споров, которые относятся к исключительной компетенции государственного суда, не существует [6]. Указанный факт может вызывать трудности для зарубежных контрагентов, не имеющих фундаментальных знаний российского права. В пункте 3 статьи 1 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»

указана только возможность передачи спора в сфере гражданско-правовых отношений, если обратное не предусмотрено федеральным законодательством. АПК РФ в части 2 статьи 33 приводит открытый перечень тех правовых отношений, споры по которым должны быть разрешены только в государственном арбитражном органе. Если убрать из данной нормы дела, связанные с осуществлением публичной власти, например, в области административного права, которые не могут быть предметом третейского разбирательства в силу своей природы, то можно привести следующий перечень не подлежащих арбитражному разбирательству споров: 1) Споры о несостоятельности (банкротстве); 2) Споры, касающиеся рынка акций; 3) Вытекающие из права интеллектуальной собственности; 4) Дела, связанные с ликвидацией юридических лиц; 5) Некоторые категории дел по корпоративным спорам.

В связи с данными разграничениями компетенции третейских судов и судов общей юрисдикции в 2011 году была подана жалоба в Конституционный суд Российской Федерации (далее — КС РФ). Гражданин Максимов Н. В. в своем обращении указал, что государственный суд отказал в признании и исполнении арбитражного решения МКАС при ТПП РФ, поскольку корпоративные споры отнесены законодателем к неарбитрабельной категории дел. Данный факт, по его мнению, нарушал его права, закрепленные статьями 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации. Однако КС РФ в своем определении указал, что положения АПК не ограничивают реализацию права на судебную защиту, а только регламентируют определенную форму [13]. Жалоба была отклонена.

Как уже отмечалось ранее, одним из оснований для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения является то обстоятельство, что сама процедура легализации и ее последствия будут противоречить публичному порядку Российской Федерации. Согласно Исследованию РАА вышеуказанное положение представляет собой основную и наиболее часто используемую причину против реализации решения международного коммерческого арбитража [5]. Действительно, такая правовая концепция как публичный порядок является универсальным механизмом, направленным на ограждение фундаментальных начал российской правовой системы от возможного вмешательства патологических норм иностранного права. Кроме того, нарушение публичного порядка является практически единственным основанием, затрагивающим не только процессуальные аспекты, а также материальную сторону акта международного третейского органа. Однако при этом, многие ученые отмечают, насколько настоящая конструкция сложна в конкретном определении и в последующем практическом применении [9].

В отечественном законодательстве, равно как и в международных унифицированных документах нет дефиниции публичного порядка. Гражданский кодекс Российской Федерации дает обобщенное определение публичного порядка через основу правопорядка, что можно толковать исключительно широко. Но,

как отмечал Муранов А. И., правовое положение публичного порядка не может и не должно быть детально урегулировано законом. Напротив, именно судебные органы через свою правоприменительную деятельность устанавливают признаки и отличительные черты настоящего института [11, с. 392]. Суды указывали области российской правовой действительности, которые не должны быть затронуты решениями иностранных арбитражных судов. В частности, это относилось к положениям, прямо запрещенным российским законодательством или нарушающим суверенитет, интересы, безопасность страны, содержащие в себе несовместимые с принципами правовой, политической, экономической системами государств последствия, ущемляющие конституционные права граждан, а также нарушающие фундаментальные принципы отечественного гражданского права [2, с.192]. Тем не менее, отмечалось, что такая формулировка создавала возможности для дискреции суда при установлении содержания механизма публичного порядка при рассмотрении определенного дела [7, с. 200].

Для корректирования указанной ситуации и установления единообразной практики было опубликовано Информационное письмо от 26 февраля 2013 г. № 156, в котором содержатся выработанные Президиумом Высшего Арбитражного Суда рекомендации в виде Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений (далее — Обзор). В пункте 1 настоящего документа приводилось новое определение правовой конструкции публичного порядка, под которым понимаются основополагающие принципы права, обладающие наивысшей императивной силой, универсальностью, исключительной публичной и общественной ценностью, которые представляют собой основу правовой, политической, экономической системы. Кроме того, в Обзоре указано, что к данным началам относится воспрещение на действия, запрещенные сверхимперативными нормами права Российской Федерации, при условии, что вышеуказанные действия могут причинить вред безопасности или суверенитету государства, а также конституционным правам и интересам частных лиц [14]. Необходимо отметить, что данная новелла сужает понятие публичного порядка. В частности, теперь суду необходимо при рассмотрении дела о реализации решения международного коммерческого арбитража установить одновременно два элемента: 1) Нарушение фундаментальных принципов права, в том числе сверхимперативных норм, указанных в статье 1192 ГК РФ; 2) Нанесение ущерба государственной безопасности и суверенитету, конституционным правам и интересам человека и гражданина.

Презюмируется, что данный Обзор был направлен на развитие интернационального арбитражного разбирательства в России и становление благоприятной судебной практики в отношении легализации решений международных третейских судов. Действительно, согласно Исследованию РАА, с 2014 по 2016 годы количество

отказов в экзекватуре по причине нарушения публичного порядка значительно снизилось. Более того, в 2014 году был отмечен максимальный процент (97,9%) проарбитражных определений государственных судов. Но уже в 2017 году данное правовое положение стало самым востребованным основанием против реализации иностранного арбитражного акта [5]. Довольно сложно говорить о причинах данного явления, но, как отмечено некоторыми исследователями в данной области, сложности определения института публичного порядка в практической деятельности существуют и по сегодняшний день [12, с. 99]. Однако, видится, что проблемы применения положения о публичном порядке вызваны по большей части не недостатком правового регулирования, а невероятной комплексностью вышеуказанной концепции, что вызывает сложности при установлении её наполнения.

Стоит отметить, что сама характеристика публичного порядка, как исключительного может вызывать трудности. Так, в пункте 4 Обзора указано, что, применяя оговорку о публичном порядке, не должно происходить подмены специальных оснований для отказа в признании и исполнении иностранных арбитражных решений. Тем не менее, на практике встречаются случаи, когда ненадлежащее уведомление о времени и месте рассмотрения дела может быть расценено как нарушение основополагающего принципа состязательности сторон и, соответственно, нарушение публичного порядка Российской Федерации. Так, например, в определении Арбитражного суда города Москвы от 26 февраля 2019 года было отмечено, что несоответствующие нормам Нью — Йоркской Конвенции 1958 г. уведомление ответчика об арбитражном процессе в МКАС при ТПП Украины и последующее отсутствие возможности представить свою позицию по спору является именно посягательством на публичный порядок [16]. При этом, данное основание представлено в статье V 1(b) Нью — Йоркской Конвенции 1958 г. Также, в определении Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22 февраля 2019 года определено нарушение исключительной компетенции АС РФ как неразрывно связанный с публичным порядком элемент [17]. При этом, хотелось бы особо подчеркнуть, что, как и неарбитрабельность спора, так и порок уведомления стороны являются отдельными от публичного порядка основаниями для отказа в выдаче экзекватуры согласно Нью-Йоркской Конвенции 1958 г. Объединение вышеуказанных положений представляет собой расширительное толкование понятия «публичный порядок».

В свою очередь, в Обзоре было отмечено, что иностранное арбитражное решение при процедуре признания и приведения решение арбитражного суда не должно быть пересмотрено, по существу. Однако, даже с указанием ВАС РФ, в практике судов присутствуют дела, когда государственные суды пересматривают само существо спора. Так, в постановлении Федерального арбитражного суда Московского округа от 8 июля 2014 года, был произведен анализ конкретных положений договора, а также рассмотрена процедура

перехода права собственности на соответствие ее публичному порядку [21].

В заключение, необходимо указать, что вопрос определения публичного порядка также остается дискуссионным и в зарубежной научной доктрине и практике. Так, считается, что впервые оговорка о публичном порядке была закреплена в Гражданском кодексе Франции 1804 г. [4]. В статье 6 данного правового акта публичный порядок определен как добрые нравы и общественный порядок. Французская судебная практика также включает в данную концепцию фундаментальные принципы, как добросовестность, *pacta sunt servanda*, запрет на экспроприацию без компенсации [10].

В статье 6 Вводного закона к Германскому гражданскому уложению закреплено, что норма иностранного права не применима в том случае, если она противоречит основам германского законодательства, в особенности, если они не совместимы с основными правами [3]. Судебная практика немецких судов, конкретизируя данную норму-принцип, указывает, что иностранное арбитражное решение не должно противоречить правовым началам, на которых основывается общественная жизнь и коммерческая деятельность Германии [8].

Таким образом, на данном этапе развития международного частного права в России в общем и института реализации решений международного коммерческого арбитража в частности существует ряд проблемных вопросов.

Так, международные арбитражные центры, основываясь на своем праве самостоятельно выносить решение по вопросу компетенции, могут действовать вопреки арбитражному соглашению. Данное обстоятельство в будущем может негативно отразиться на признании и приведении решения в исполнение на территории зарубежных стран, либо будет отменено. Следовательно, международные арбитражные центры должны с особой тщательностью подходить к данному вопросу, и брать на себя роль арбитра только при действительном согласии каждой стороны. Кроме того, отсутствие полного перечня категории споров, не подлежащих третейскому урегулированию, вызывает сложности у сторон в отсутствие фундаментальных знаний российского права. Необходима разработка полного и единого перечня тех отношений, которые не могут быть предметом урегулирования в рамках третейского разбирательства

Оговорка о публичном порядке, как наиболее востребованное основание для отказа в реализации решения международного коммерческого арбитража, на данном этапе развития международного частного права в России представляет собой комплексный вопрос, требующий особого внимания со стороны законодателя и правоприменителей. Думается, что наилучшим вариантом для сдерживания указанной проблемы является постоянная работа ВС РФ, например, в виде обзоров практики. В условиях постоянного развития общества, динамики правовой действительности в области международного коммерческого арбитража в том числе, разъяснительная деятельность высших судебных органов Российской Федерации видится единственным эффективным механизмом для урегулирования поставленной проблематики.

Литература:

1. Асосков, А. В. Влияют ли положения двустороннего договора о правовой помощи на процедуру арбитражного разбирательства, проводимого на территории страны — участницы такого международного договора? / А. В. Асосков // Вестник международного коммерческого арбитража. — 2013. — № 2. — С. 10–18.
2. Асосков, А. В., Кучер, А. Н. Президиум ВАС РФ определил подходы к понятию публичного порядка: краткий комментарий к Информационному письму от 26 февраля 2013 г. № 156 / А. В. Асосков, А. Н. Кучер // Вестник международного коммерческого арбитража. — 2013. — № 1. — С. 190–198.
3. Вводный закон к Германскому гражданскому уложению от 18.08.1896 (в ред. 2017 г.) // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040401> (дата обращения 11.06.2019).
4. Дзускаева, З. Т., Иванова, Т. Н. Публичный порядок признания и исполнения иностранных арбитражных решений [Электронный ресурс] / З. Т. Дзускаева, Т. Н. Иванова // Вестник МИЭП. — 2014. — № 4 (17). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnyy-poryadok-priznaniya-i-ispolneniya-inostrannyh-arbitrazhnyh-resheniy> (дата обращения 11.06.2019).
5. Исследование Российской арбитражной ассоциации о применении Нью-Йоркской конвенции российскими судами в 2008–2017 годы / под ред. Р. Зыков // Российская арбитражная ассоциация. — URL: https://arbitration.ru/upload/medialibrary/b3b/RAA-STUDYRECOGNITION-ENFORCEMENT-AWARDS-NY-CONVENTION-2018_rus.pdf (дата обращения 11.06.2019).
6. Казаченок, С. Ю. Неарбитрабельность объекта спора как особая категория оснований вмешательства государства в международный коммерческий арбитраж [Электронный ресурс] / С. Ю. Казаченок // Вестник ВолГУ. — 2015. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nearbitrabelnost-obekta-spora-kak-osobaya-kategoriya-osnovaniy-vmeshatelstva-gosudarstva-v-mezhdunarodnyy-kommercheskiy-arbitrazh> (дата обращения: 02.06.2019).
7. Карабельников, Б. Р. ВАС РФ объясняет публичный порядок / Б. Р. Карабельников // Вестник международного коммерческого арбитража. — 2013. № 1. — С. 199–213.
8. Кузнецов, М. Н. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве России и стран Европейского Союза [Электронный ресурс] / М. Н. Кузнецов // Государственная служба и кадры. — 2019. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogovorka-o-publichnom-poryadke-v-mezhdunarodnom-chastnom-prave-rossii-i-stran-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 02.06.2019).
9. Курочкин, С. А. Нарушение публичного порядка Российской Федерации как основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений [Электронный ресурс] / С. А. Курочкин // Закон. — 2013. — № 2 — Доступ из справ. — правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 02.06.2019).
10. Минина, А. И. Трактровка и применение оговорки о публичном порядке при признании и исполнении решений международного коммерческого арбитража в зарубежных странах [Электронный ресурс]. / А. И. Минина // Актуальные проблемы российского права. — 2012. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traktovka-i-primeneniye-ogovorki-o-publichnom-poryadke-pri-priznanii-i-ispolnenii-resheniy-mezhdunarodnogo-kommercheskogo-arbitrazha-v> (дата обращения: 02.06.2019).
11. Муранов, А. И. Некоторые аспекты понятия «публичный порядок» применительно к международному коммерческому арбитражу в России / А. И. Муранов // Международное право. — 2001. — № 5 (14). — С. 396–425.
12. Хочанов, Д. А. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений: очередной пример неправильного применения отечественными государственными судами Нью-Йоркской конвенции и российского законодательства / Д. А. Хочанов // Коммерческий арбитраж. — 2019. — № 1. — С. 90–100.
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Н. В. Максимова на нарушение его конституционных прав п. 2 ч. 1 ст. 33 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 г. № 1804-О-О». [Электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения 11.06.2019).
14. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2013 г. № 156 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2013. — № 5.
15. Определение Арбитражного суда города Москвы от 28.07.2015 г. по делу № А40–5286/15 Картотека арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/6ee77c49-649a-41c9-b753-2e91c2cf62d8/04309bf8-f248-4342-8ba0-12130c28357e/A40-5286-2015_20150728_Opredelenie.pdf (дата обращения 14.06.2019).
16. Определении Арбитражного суда города Москвы от 26.02.2019 г. по делу № А40–217844/18–68–1704 // Картотека арбитражных дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/534f8a27-fc28->

- 4596-b86f-1eb10bb94782/2d8c2512-2f9b4aaa-9a35-985866008e24/A40-217844-2018_20190226_Opredelenie.pdf (дата обращения 18.06.2019).
17. Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22.02.2019 г. по делу № А56-51678/2018 // Картотека арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3ff977fab1ac-4109-be24-1c67b67d62db/bf241248-e4d7-432a-bb9e-e4513aeff14c/A56-51678-2018_20190222_Opredelenie.pdf (дата обращения 17.06.2019).
18. Определение Арбитражного суда Республики Дагестан от 21.10.2014 г. по делу № А15-2429/2014 // Картотека арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/63359bd4-e806-4dfa-8aca-f4bf527ce7ed/53760b4b-b691-4d7f-93b4-275d35f38277/A15-2429-2014_20150119_Opredelenie.pdf (дата обращения 16.06.2019).
19. Определении ВС РФ от 24.05.2019 г. № 301-ЭС18-24455 по делу № А31-7930/2018 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.06.2019).
20. Постановление арбитражного суда Поволжского округа от 09.09.2016 г. по делу № А72-2929/2016 // Картотека арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/5a910125-3089-45b4-9c18-16ec2af4000c/9d76a7e5-91a8-435a-8821-59ac42966b03/A72-29292016_20160909_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf (дата обращения 16.06.2019).
21. Постановлении Федерального арбитражного суда Московского округа от 08.07.2014 года по делу № А40-87194/13-68-844 // Картотека арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/184bbffa-339c-4e24-a335-8f01ed9f5c16/b76a77a0-c672-4768-a5f3-b8795f0c78be/A40-87194-2013_20140708_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения 18.06.2019).

К вопросу о статусе частных военных компаний в Российской Федерации

Монгуш Александр Амырович, студент

Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Томск)

В современных условиях глобализации международных политических и экономических отношений, а также распада биполярной системы мироустройства, военно-политическая обстановка в мире обуславливается борьбой за контроль над источниками энергетических ресурсов и маршрутами их транспортировки. Что требует наличие мобильных войсковых соединений способных к быстрому разворачиванию и выполнению поставленных задач в любой точке земного шара.

Вместе с тем, возрастающая роль человеческой жизни и антивоенные настроения граждан, ограничивают возможности государства в использовании национальных вооруженных сил в военных конфликтах иностранных государств. Что вынуждает ряд стран Западной Европы, США и Великобританию прибегать к услугам частных военных компаний, а число последних стремительно растет, превышая на сегодняшний день 400 официально зарегистрированных предприятий [3]. Тенденции возникновения частных военных компаний наблюдаются в настоящее время и в Российской Федерации, однако их правовой статус остается неопределенным.

Попытки правовой регламентации деятельности частных военных компаний в Российской Федерации начались еще в 2014 году, когда в Государственную Думу был внесен законопроект № 630327-6 «О частных военных компаниях в Российской Федерации» [5], который был возвращен для приведения в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

С тех пор вопрос о статусе частных военных компаний остается нерешенным, вызывая споры и не однозначные

оценки в экспертном и научном сообществе, оценивая с одной стороны их как угрозу суверенитету и общественной безопасности государства [6] с другой как необходимый инструмент защиты интересов государства и транснациональных компаний на нестабильных с точки зрения мира и безопасности территориях [4].

Наиболее оптимальным решением в настоящее время представляется легализация деятельности частных военных в Российской Федерации. При разработке проекта легализации частных военных компаний требуется комплексное согласование норм национального и международного права. Первоочередным ориентирующим документом при этом стоит выделить Конституцию РФ как высший нормативный правовой акт Российской Федерации.

Так статья 71 Конституции РФ, относит оборону и защиту государственной границы, территориального моря, воздушного пространства к ведению Российской Федерации [1] в силу чего, представляется верным ограничить возможность заключения частными военными компаниями договоров с частными лицами и транснациональными компаниями. Оставив право заключения контрактов исключительно с Министерством обороны Российской Федерации, под строгим контролем последнего.

Данный шаг также позволяет отграничить статус сотрудников частных военных компаний от наемников согласно статье 359 УК РФ и пункту 47 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня

1977 года, где наемником не признается лицо, направленное государством, участвующим в вооруженном конфликте, для исполнения официальных обязанностей [7].

Обратить внимание стоит также и на Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ «Об оружии» [2], дополнив соответствующие статьи указанного закона на право приобретения частными военными компаниями боевого ручного и иного оружия в строго установленном законом порядке. При этом представляется верным, ограничить право хранения оружия последних. Возложить обязанности по учету, хранению, и выдаче оружия на государственные военизированные организации, расположенные по месту дислокации частной военной компании с выдачей оружия только строго в соответствии с поставленными задачами.

Поскольку деятельность частных военных компаний затрагивает международные интересы, целесообразным представляется согласования также с нормами международного права, регламентирующим их деятельность.

Ведущим международным договором в данной отрасли является «Документ Монтрё»

Документ Монтрё содержит правила и положения о частных военных и охранных компаниях, действующих в зонах вооруженных конфликтов. Закрепляя обязанности о соблюдении норм международного гуманитарного права, юридической ответственности за ее нарушение, а также требования о подотчетности и прозрачности их структуры. [8].

Отдельно документ затрагивает права и обязанности сотрудников частных военных компаний, в соответствии с которым они имеют право на статус военнопленного в международном вооруженном конфликте и несут обязанности по соблюдению международного гуманитарного права.

В заключение стоит отметить важность правовой регламентации деятельности частных военных компаний посредством комплексного согласования норм национального и международного права.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС КонсультантПлюс
2. Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ «Об оружии» // СПС КонсультантПлюс.
3. Волеводз А. Г. О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний / А. Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2009. — № 1. — С. 12–17.
4. Малышев В. Н., Руденко А. Е., Катун Е. С. // Деятельность частных военных компаний и государственные интересы / Вестник Военной академии материально-технического обеспечения. № 3, 2015.
5. Овчаров А. В. Частные военные компании в России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnye-voennye-kompanii-v-rossii> (дата обращения: 16.05.2019).
6. Смирнов С. В. Частные военные компании как угроза государственному суверенитету современного государства // Правовое государство: проблемы понимания и реализации. Сборник статей.
7. Электронный ресурс — международный комитет красного креста — URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm>, дата обращения 20.05.19.
8. Электронный ресурс — международный комитет красного креста — URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/ihl-montreau.htm>, дата обращения 20.05.19

Проблема осуществления права на справедливое судебное разбирательство при недостаточном уровне владения языком уголовного судопроизводства в практике Европейского суда по правам человека

Решетников Руслан Александрович, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Понимание языка уголовного судопроизводства очень важно, что отражено в Европейской конвенции прав человека. Непонимание языка судопроизводства ведет к нарушениям прав подсудимого. В данной статье мы рассмотрим вопросы связанные с осуществлением права на справедливое судебное разбирательство.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, право на справедливое судебное разбирательство, Европейский суд, Европейская конвенция, Российская Федерация.

Актуальность темы. Пункт «е» ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантирует лицу, против которого выдвинуто любое уголовное обвинение, право на справедливое судебное

разбирательство и право пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает и не говорит на языке, который используется в суде.

ЕСПЧ в своих решениях обосновывает программные положения, являющиеся неким правоприменительным минимумом, за пределами которого не может быть и речи о цивилизованном, отличающемся справедливостью и высокой правовой культурой процессе. И эти положения играют немаловажную роль в реформировании уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, а также в деле совершенствования практики его применения.

Первым основополагающим международным требованием, вытекающим из принципа национального языка судопроизводства, является право обвиняемого пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он (она) не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере института языка уголовного судопроизводства в практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

Предметом исследования выступает практика ЕСПЧ в сфере института языка уголовного судопроизводства.

Целью исследования выступает выявление принципов, сформированных практикой ЕСПЧ в сфере института языка уголовного судопроизводства.

Обозначенная цель исследования предопределила следующие его **задачи**:

- проанализировать содержимое понятия непонимания языка, используемого в суде, или неумения говорить на этом языке;
- проанализировать защищённые элементы уголовного судопроизводства.

В практике отечественных судов и ЕСПЧ остро стоит вопрос о непонимании языка судопроизводства, какие действия необходимо предпринимать для осуществления права подсудимого на справедливое понимание. Чтобы разобраться в этом, необходимо обратиться к Европейской конвенции по правам человека, а именно статье 6.

Право на бесплатные услуги переводчика применяется исключительно в ситуациях, когда обвиняемый не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке. Обвиняемый, который понимает язык суда, не может настаивать на предоставлении услуг переводчика, которые позволяют ему осуществлять свою защиту на другом языке, включая язык этнического меньшинства, членом которого он является.

Если обвиняемый представлен адвокатом, обычно недостаточно того, чтобы адвокат обвиняемого, а не обвиняемый, знает язык, используемый в суде. Перевод соответствующего судебного процесса необходим в качестве права на справедливое судебное разбирательство, которое включает право на участие в слушании, требующее, чтобы обвиняемый был способен понимать судебный процесс и сообщать адвокату о любых вопросах его защиты [1].

Подпункт (е) пункта 3 статьи 6 какого акта не относится к взаимоотношениям между обвиняемым и его адвокатом, а применяется только к взаимоотношениям между обвиняемым и судьёй. От права на переводчика

можно отказаться, но это должно быть решение обвиняемого, а не его адвоката [2].

Здесь справедливо возникает вопрос — на кого именно возлагается обязанность определения достаточности уровня владения участником уголовного судопроизводства языком судопроизводства, и какой уровень владения следует признавать достаточным? Как отмечает Т. М. Кузык, при отсутствии определённых в законе критериев, встает вопрос — как проверить, обладает ли лицо знанием государственного языка или нет, является ли уровень владения языком достаточным или недостаточным? Ведь возможны случаи, когда лицо, имея целью затягивание расследования или судебного рассмотрения не желает пользоваться государственным языком и заявляет, что недостаточно владеет им [3, с. 341–346].

Законом не определены критерии достаточного владения государственным языком, а мысли ученых по этому поводу можно условно разделить на следующие четыре группы.

К первой группе, наиболее многочисленной, можно отнести таких ученых, как А. Ю. Кузнецов [4, с. 23–26.], А. И. Александрова [3, с. 341–346.]: лицо должно само определять, является ли его уровень владения языком достаточным и нуждается ли оно в услугах переводчика, и его заявление является безусловным основанием для привлечения переводчика. Имеют место следующие недостатки этого подхода: во-первых, лицо, в случае безоговорочного удовлетворения требования о привлечении переводчика может злоупотреблять этим правом для затягивания процесса; во-вторых, лицо, плохо понимая язык, на котором ведется уголовное производство, может не заявить о необходимости в переводчике, в результате чего не сможет воспользоваться своим правом на защиту в полном объеме. Так, учёными отмечается, что «чаще всего общее заблуждение возникает вследствие недостаточного понимания языка судопроизводства» [5, с. 43]. При этом, несколько забегаю наперед, отметим, что судебная практика свидетельствует о том, что в случаях недопонимания участником уголовного судопроизводства языка уголовного производства, впоследствии это сложно доказать, если таким участником не делались соответствующие заявления. Суды надзорных инстанций находят доводы о недопонимании несостоятельными, что делает практически невозможной защиту нарушенных прав участника уголовного судопроизводства.

Учитывая изложенное кажется справедливым позиция второй группы авторов — И. И. Буновой 3 С. 341–346, И. Д. Иванюк 6 С. 339. и др., которые считают, что в случае, если участник уголовного судопроизводства недостаточно владеет языком производства, то даже при отсутствии от него ходатайства об участии переводчика, судья, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, дознаватель обязаны независимо от желания лица обеспечить его участие в уголовном производстве. М. М. Яковлев, З. И. Корякина и др. высказывают мнение, что и мнение самого участника уголовного процесса, и убеждение следователя, дознавателя, суда являются критериями определения степени

владения участником процесса языком судопроизводства [7, с. 107].

Третья группа авторов, таких как А. В. Мархевка и др., считают, что для принятия правильного решения о необходимости привлечения переводчика в уголовном производстве подлежат выяснению такие сведения, как языковая культура участника уголовного производства, его образование, степень владения неродным языком, язык общения с членами семьи, родственниками и знакомыми, коллегами по работе [8, с. 392–401].

Четвертую группу авторов (В. Маляренко, А. П. Кучинская и др.) объединяет позиция о необходимости проведения языковой экспертизы в случаях сложностей с определением уровня владения языком. Такие сложности могут быть, в частности, если лицо является гражданином страны, в которой происходит уголовный процесс, но заявляет о недостаточности владения языком уголовного производства. А где сноска на работы по последней позиции

Приведённые позиции должны быть учтены при решении вопроса правового регулирования критериев определения достаточности владения языком уголовного производства где, в каком законодательстве, все ли позиции или некоторые элементы позиций авторов. В этом отношении ЕСПЧ придерживается мнения, что разрешение вопроса о том, нуждается ли обвиняемый в помощи переводчика, не может быть поставлено в однозначную зависимость от мнения стороны защиты по данному вопросу [9, с. 170]. Суд является главным гарантом справедливости правосудия, и именно поэтому на него возлагается обязанность обеспечить, чтобы отсутствие перевода не повлекло нарушения справедливого характера правосудия. Так, по делу «Кускани против Соединенного Королевства» Суд установил, что в судебном разбирательстве по обвинению заявителя в уклонении от уплаты налогов в крупном размере, когда речь зашла о признании заявителем своей вины (в обмен на снижение наказания), защита заявила о необходимости назначения подсудимому переводчика. Суд обратился к присутствующим с вопросом о том, может ли кто-то помочь обвиняемому с переводом; защита, не консультируясь с обвиняемым,

указала на его брата, и суд решил, что воспользуется его услугами при необходимости. Несколько раз суд спрашивал у защиты, нужен ли обвиняемому переводчик, но адвокаты каждый отвечали, что «пока они обходятся». Впоследствии заявитель обжаловал обвинительный приговор, пояснив, что по различным причинам и, в частности, по причине отсутствия переводчика он признал себя виновным в неуплате вчетверо большей суммы, чем собирался. Европейский Суд по правам человека, либо оговорите, там где вы указали сокращенный вариант названия инстанции, что будете пользоваться и таким сокращенным вариантом по данному делу пришёл к выводу, что судья был поставлен в известность о том, что у заявителя были очевидные проблемы восприятия английского языка. Однако, несмотря на то, что он удовлетворил ходатайство об участии переводчика в слушании дела, судья позволил убедить себя на слушании по вопросу о назначении наказания в способности адвоката заявителя «справиться самостоятельно». На судье лежала ответственность удостовериться в том, что отсутствие переводчика не повлияет негативно на полное участие заявителя в решении значимого для него вопроса. Нельзя сказать, что данное требование было удовлетворено тем, что на усмотрение заявителя был оставлен вопрос об использовании непроверенных лингвистических способностей брата. Не могу уловить смысл написанного, то, что выделено желтым, поправьте стилистику В то время как тактика защиты в суде определяется договоренностями между обвиняемым и его адвокатом, судья является высшим гарантом справедливости производства по делу, и он чётко осознавал наличие реальных трудностей с переводом. В результате ЕСПЧ признал, что по данному делу было нарушено право на справедливое судебное разбирательство. [10]

Таким образом из всего вышесказанного следует сделать вывод, что определение уровня владения подсудимым языком уголовного судопроизводство необходимое условие для соблюдения положения конвенции. Если уровень владения языком определен неправильно, это влечет за собой последствия в виде отмены судебного решения и восстановления нарушенных прав подсудимого.

Литература:

1. Kamasinski v. Austria (Application No. 9783/82), § 74 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":\["Kamasinski v. Austria"\],"documentcollectionid":\["GRANDCHAMBER", "CHAMBER"\],"itemid":\["001-57614"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{)
2. Kamasinski v. Austria (Application No. 9783/82), § 80 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":\["Kamasinski v. Austria"\],"documentcollectionid":\["GRANDCHAMBER", "CHAMBER"\],"itemid":\["001-57614"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{)
3. Кузык Т. М. Понятие и требования к личности переводчика в уголовном процессе // Университетские научные записки. — 2013. — № 1 (45). — С. 341–346.
4. Кузнецов О. Ю. Понятие «язык судопроизводства» в системе российского процессуального законодательства // Современное право. — 2005. — № 5. — С. 23–26.
5. Пашин С. А. Доказательства в российском уголовном процессе. — М., 1999. — 431 с.
6. Иванюк И. Д. Проблемы усовершенствования статуса переводчика в контексте противодействия злоупотреблению правом в уголовном процессе // Университетские научные записки. — 2011. — № 3 (39). — С. 339.
7. Яковлев М. М., Корякина З. И. Язык национального уголовного судопроизводства // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. — 2014. — № 2. — том 11. — С. 104–111.

8. Мархевка О. В. Критерии допустимости участия переводчика в уголовном судопроизводстве // Научный вестник ЛГУВС. — 2013. № 4. — С. 392–401.
9. Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: учеб. пособие. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 296 с.
10. Cuskani v. the United Kingdom (Application No. 32771/96) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://hudoc.echr.coe.int/eng# {"fulltext": \["Cuskani"\] " , documentcollectionid": \["GRANDCHAMBER", CHAMBER"\]" , itemid": \["001-60643"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%5C%22Cuskani%22%5C%2C%20documentcollectionid%22:%5B%5C%22GRANDCHAMBER%22%5C%2C%20CHAMBER%22%5D%2C%20itemid%22:%5B%5C%22001-60643%22%5D%7D)

Особенности правового регулирования договора международной купли-продажи товаров

Филатова Кристина Дмитриевна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Баланюк Леонид Леонидович, кандидат юридических наук, доцент
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)

Статья посвящена вопросам правового регулирования договора международной купли-продажи товаров. В статье проанализированы характерные особенности правового регулирования внешнеторгового контракта. Выявлены и раскрыты ключевые нормативные правовые акты регулирования договора купли-продажи товаров на международном уровне. Особое внимание уделяется одному из распространенных способов защиты сторон при наличии разногласий, а именно обращению в международный коммерческий арбитражный суд, выявлены основные достоинства и недостатки его деятельности.

Ключевые слова: договор международной купли-продажи, способы применения норм международного права, Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980г, принципы УНИДРУА, Инкотермс, международные соглашения, международный коммерческий арбитражный суд.

Договор международной купли-продажи товаров — одна из наиболее часто встречаемых сделок между различными государствами. Между тем, правовой режим имеет ряд особенностей в данной области. Это связано, во-первых, с осложнением нормативной правовой базы, связанной с правом различных государств, а во-вторых, с существенными различиями в национальном законодательстве различных стран, отдельных правовых систем. Таким образом, встает проблема обеспечения оптимальных правовых условий в области внешней торговли, которая вытекает из необходимости стабилизации данной сферы для нашей страны.

В законодательстве Российской Федерации не обозначена тщательная расшифровка внешнеэкономической или внешнеторговой сделки. Для того чтобы разобраться в этих категориях, следует обратить внимание на акты международного правового регулирования. Одним из ведущих таких актов является Венская

конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г [1] (далее Венская конвенция), действующая с 1 января 1988 года, а на территории Российской Федерации с 1 сентября 1991 года. В структуру Венской конвенции входят четыре раздела, содержащие в целом 101 статью. Она регулирует отношения по вопросам, связанным, во-первых, с заключением договоров купли-продажи между компаниями из разных государств, а во-вторых, с их исполнением и ответственностью за неисполнение или ненадлежащее исполнение.

Так, согласно Венской конвенции: «Внешнеторговая сделка — это договор коммерческого характера с иностранным партнером (контрагентом)».

Прежде всего, следует отметить, что, говоря о правовом регулировании на международном уровне, необходимо обратить внимание на следующие ситуации, которые отображены на рисунке 1.

Рис. 1. Ситуации применения норм международного права в соотношении с национальным правом в области регулирования международного договора купли-продажи

При первой ситуации нормы международного договора применяются как национальное законодательство. Так, согласно нашему законодательству: общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора [2]. Во второй же ситуации приоритет имеют императивные нормы национального законодательства. Так происходит, когда международный договор не относится к правовой системе, применимой к спорному правоотношению, и применяется факультативно по соглашению сторон.

Итак, Российская Федерация (СССР) присоединилась к Венской конвенции с 1 сентября 1991 года. С этого момента нормы Венской конвенции стали составной частью правовой системы Российской Федерации.

Как закреплено в ст. 1 Венской конвенции, она «применяется к договорам купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах, когда эти государства являются Договаривающимися государствами или когда, согласно нормам международного частного права, применимо право Договаривающегося государства» [1]. При этом то положение о том, что коммерческие организации

сторон находятся в разных странах, не действует, если это не вытекает ни из договора, ни из имевших место до или в момент его заключения деловых отношений или обмена информацией между сторонами.

При действии Венской конвенции также не принимается во внимание ни национальная принадлежность сторон, ни их гражданское или торговое положение, ни характер договора.

Следует также отметить, что Венская конвенция не применяется к продаже:

- товаров, которые приобретаются для личного, семейного или домашнего использования;
- с аукциона;
- в порядке исполнительного производства или иным образом в силу закона;
- фондовых и обеспечительных бумаг, оборотных документов и денег;
- судов водного и воздушного транспорта;
- электроэнергии.

Изучая правовое регулирование договора международной купли-продажи, необходимо обратить внимание на то, что на данные правоотношения subsidiarily распространяет свое действие такие источники правового регулирования, как Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) [5] и «Инкотермс» [4] представленные в таблице 1.

Таблица 1. Источники правового регулирования международной купли-продажи товаров

Источник правового регулирования	Содержание
Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА)	Неофициальная кодификация правил международной торговли. Не обладают юридической силы и подлежат применению при наличии специального согласия сторон. Регулируют торговые сделки, используются в качестве доказательства всеобщей практики, выполняют функцию толкования и восполнения пробелов международных многосторонних соглашений
«Инкотермс»	Международные правила толкования торговых терминов. касаются лишь отношений продавца и покупателя, и не затрагивают отношений этих субъектов с перевозчиком.

Помимо этого, существуют различные соглашения, заключенные между Российской Федерацией и различными государствами об условиях поставки, действительные в настоящее время.

Стоит отметить еще один важный факт, касающийся правового регулирования договора международной купли-продажи. В международной практике имеет место типовая договор купли-продажи, составленный Международной торговой палатой (ИСС). Она разработала Типовой контракт международной купли-продажи, специально приспособленный к международным торговым операциям по купле-продаже [6]. Договор создавался для использования в ходе сделок, регулируемых Венской конвенцией.

Известно, что на сегодняшний день Венскую конвенцию подписали 85 государств, включая крупнейшие страны мира, осуществляющие внешнеэкономические операции. Венская конвенция применяется все

к большему числу сделок международной купли-продажи. Большинство малых и средних компаний применяют нормы этого международного акта, хотя и имеют право исключить его применение. Тем не менее решение об исключении Венской конвенции, является не простым, так как во многих юрисдикциях применение Венской конвенции можно исключить только в «явно выраженном виде», то есть сам по себе выбор национального права не является достаточным для того, чтобы применение Венской конвенции было исключено. Поэтому в данном случае рекомендуется обращаться за помощью к экспертам.

Крупные транснациональные корпорации всегда имеют свои собственные, детально разработанные общие условия купли-продажи и не так склонны к использованию универсальных форм или типовых контрактов в отличии от малых и средних компаний. Когда впервые началось использование Венской конвенции,

юристы в крупных организациях довольно часто склонялись в пользу торговых законов, чем к данному акту. В настоящее время, по мере увеличения опыта и практики, юристы больше склоняются к тому, чтобы использовать Венскую конвенцию, применяя её положения в тех случаях, когда их применение явно предпочтительнее, чем положения национального закона.

Однако все это не исключает наличие разногласий между покупателем и продавцом, и в области способов защиты сторон также имеется своя специфика. Поэтому на нынешний день важно рассмотреть разрешение споров, если такие будут возникать. Значительное число устраняется путем переговоров, но, в случае нерешенных разногласий, необходимо выбрать вариант: предусмотреть в условиях право на обращение в суд для разрешения спора либо обратиться в третейский арбитражный суд (например, международный коммерческий арбитражный суд при торгово-промышленной палате в Российской Федерации (далее МКАС). Деятельность МКАС регулируется законом «О международном коммерческом арбитраже».

В компетенцию МКАС входит рассмотрение споров из международных коммерческих контрактов при наличии арбитражного соглашения сторон. Исключение — МКАС принимает к рассмотрению споры без соглашения сторон, если его компетенция установлена международным договором Российской Федерации [3].

Главными преимуществами деятельности МКАС можно выделить такие, как низкие судебные расходы (это не государственный орган и арбитражный процесс в нем достаточно упрощен), а также возможность выбора арбитров. Следует отметить, что арбитры данного суда — известные специалисты в области международного частного права, международного гражданско-процессуального права, международного административно-процессуального права.

Недостатками же деятельности МКАС, можно считать, во-первых, невозможность осуществления предварительных мер по обеспечению иска. Как правило, в этих случаях суд может лишь осуществлять обеспечительные меры по обращению МКАС. Во-вторых, то, что решения не подлежат обжалованию, тоже немаловажный отрицательный момент деятельности МКАС. Решения обычно сразу же вступают в законную силу.

Подводя итог исследованию, следует отметить, что на сегодняшний день существует немало особенностей правового регулирования договора международной купли-продажи. Это и различные ситуации приоритета в применении международных актов, и множество источников правового регулирования данной области с возможностью выбора их применения, и различные способы урегулирования разногласий: от переговоров до обращения в МКАС. Важно учитывать эти особенности для наиболее оптимального осуществления внешней торговли различных компаний.

Литература:

1. «Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров» (Заключена в г. Вене 11.04.1980) (вместе со «Статусом Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 года)» (по состоянию на 20.04.2018)) // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.05.2019).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.05.2019).
3. Закон Российской Федерации от 07.07.1993 N 5338—1 (ред. от 29.12.2015) «О международном коммерческом арбитраже» (вместе с «Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации», «Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации») // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.05.2019).
4. «Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2011»» // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.05.2019).
5. «Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА)» (1994 год) // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.05.2019).
6. ICC Model International Sale Contract 1997 Edition // http://www.iccwbo.ru/contract/docs/introduction_page.html (дата обращения: 17.05.2019).

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Особенности института медиации по законодательству США

Горева Софья Александровна, студент

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье автор анализирует законодательство о медиации в США. В частности, автор изучает становление института медиации в США, проводит разбор процедуры медиации, проводимой в соответствии с Единообразным актом о медиации 2001 г. США. Автор акцентирует внимание на значении института медиации и предложениях по совершенствованию процедуры медиации в РФ, в соответствии с предложениями, указанными в проектах федеральных законов.

Ключевые слова: процедура медиации, институт медиации, посредник, альтернативный способ.

Правосудие — это то, с помощью чего во всем мире осуществляется разрешение правовых конфликтов, защита прав граждан и организаций, личных, общественных и государственных интересов. [1, с.14] Независимость судебной власти, ее организованность и эффективность являются атрибутом правового государства. В последнее время можно наблюдать возрастающий интерес к альтернативным способам разрешения конфликтов, в частности, к процедуре медиации. Повышенный интерес и необходимость развития и распространения процедуры медиации связан, прежде всего, с ее способностью разгрузить судебную систему, повысить оптимальность гражданского судопроизводства и, самое главное, стабилизировать социальные отношения в обществе.

США находится в числе первых государств, которые пришли к пониманию о необходимости решения вопросов, связанных с легальным и полноценным формированием института медиации. Необходимо отметить, что в первую очередь, зарождение процедуры медиации было нужно для урегулирования споров, возникающих в сфере трудовых отношений. В частности, причиной, по которой правительство США приняло решение привлечь независимого нейтрального посредника для урегулирования разногласий сторон, которым явилось Министерство труда, явились многочисленные столкновения профсоюзов с работодателями, а также борьба рабочего населения за благоприятные условия труда, социальные гарантии, достойный размер заработной платы. [2, с. 216] С 1947 г. в США ведет свою деятельность специальный орган — Федеральная служба по медиации и примирительным процедурам. Еще одной предпосылкой становления института медиации стало создание в 1960-е гг. негосударственных организаций «Neighborhood Justice Center» и «Community Mediation» для урегулирования конфликтов в семье между соседями и малообеспеченными лицами.

На сегодняшний день сложившаяся в США практика судов направлена на разрешение большего количества споров в добровольном досудебном порядке. Судья наделен полномочиями по приостановлению разрешения дела по существу с целью предложить сторонам урегулировать спор посредством обращения к медиатору. В США функционирует Национальный институт разрешения споров, который занимается разработкой новых методов медиации. Теоретические и практические положения о медиации в США размещаются в издании «Mediation Quarterly» и ежегодном издании «American Journal of Mediation», имеющие авторитет среди читателей. [3, с.25] Для осуществления практической деятельности в сфере медиации в США были созданы специальные службы, получающие субсидии от правительства США, общественных организаций и частных лиц.

В США принят Единообразный акт о медиации (Uniform Mediation Act) 2001 г., который действует и в настоящее время. В этом документе под медиацией понимается «процесс, в котором посредник способствует общению и переговорам между сторонами с целью помочь урегулировать возникший спор посредством добровольного соглашения». [4, с.2]

Единообразный акт о медиации США предусматривает применение медиации в гражданских и коммерческих спорах, не затрагивающих вопросы конституционных прав. [5, с.65] Для некоторых категорий споров существуют особые процедурные правила, например, для трудовых споров созданы Арбитражные правила и медиационные процедуры по трудовым делам Американской Арбитражной Ассоциации.

Требования к посреднику определяются законодательством штатов [6, с.313]. Например, в штате Мичиган, в соответствии с Правилами посредничества, в качестве посредника может выступать физическое лицо, имеющее юридическое образование, непосредственно проживающий в данном штате и имеющий стаж по юридической

практике минимум 5 лет. Посредничество осуществляется коллегией посредников, которая состоит из трех юристов. Выбор посредника осуществляют адвокаты спорящих сторон из списков, находящихся у клерка суда, в котором должно содержаться не менее 50 кандидатов. Клерк отбирает юристов для включения в список способом, указанным судьями суда. Когда дело передается на проведение процедуры медиации, адвокат истца и адвокат ответчика могут выбрать по одному имени из списка претендентов. Третий посредник — председатель коллегии — избирается по соглашению адвокатами сторон. Если адвокаты не могут прийти к согласию, то третий посредник выбирается по соглашению избранных посредников. Если и они не могут прийти к согласию, третьего посредника назначает клерк по своему усмотрению. [7, 8 с.29]

Медиация является конфиденциальной процедурой, за исключением, если стороны не договорились об ином. В Единообразном акте о медиации установлен перечень случаев, когда принцип конфиденциальности процедуры

медиации не распространяется на определенную информацию, например, которая является открытой для ознакомления на основании закона; связана с угрозой нанесения телесных повреждений или совершения преступления и др. [9, 10 с.1]

В нашей стране 27.07.2010 г. был принят ФЗ № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». С его принятием появился интерес к процедуре медиации, кроме того, принятие Закона о медиации стало важным этапом в процессе интеграции Российского государства в сообщество Европейских стран.

В настоящее время в Государственную Думу поступило несколько законопроектов (например, от Пленума Верховного суда РФ, Арбитражного суда РФ и др.), которые предлагают внести изменения и дополнения в ФЗ № 193-ФЗ, в Гражданский, Трудовой, Семейный, Уголовный, Гражданский процессуальный, Арбитражный процессуальный кодексы РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ и др. законы.

Литература:

1. Гафнер К. Е. Развитие медиации как коммуникативной практики и ее институционализация. URL: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://elar.ufrj.br/bitstream/10995/32237/1/klo_2015_10.pdf (дата обращения: 24.05.2019)
2. Ёдгоров Х. Альтернативные механизмы разрешения споров. Обзор зарубежного опыта. Ташкент, 2017. С.216.
3. Жанна Самойленкова. Интернациональный взгляд на медиацию. URL: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://conflictus.com/document/6/> (дата обращения: 24.05.2019)
4. Единообразный акт о медиации 2001 года. URL: http://mediators.ru/rus/about_mediation/foreign_law/usa/text1
5. Носырева Е. И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США: автореф. дис... доктора юрид. наук: 12.00.15 // Воронежский гос. ун-т. — Воронеж, 2001. С. 65. [Электронный ресурс]. <http://www.dissertcat.com/content/alternativnoerazreshenie-grazhdansko-pravovykh-sporov-v-ssha> (дата обращения 24.05.2019).
6. Правила посредничества, применяемые в федеральном суде западного округа штата Мичиган. Правило 42 п.А. http://mediators.ru/rus/about_mediation/foreign_law/usa/text2
7. Степанова О. Ю. Медиация: от истоков до современности. URL: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://deliktor.ru/article/34-mediaciya-otistokov-do-sovremennosti.html> (дата обращения: 24.05.2019)
8. URL: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bus.znate.ru/docs/index-13805.html> (дата обращения: 24.05.2019)
9. URL: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mediacia.com/medworld.htm> (дата обращения: 24.05.2019)
10. URL: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mediacia.com/mediation-in-the-world/> (дата обращения: 24.05.2019)

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 4 (11) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 5.07.2019. Дата выхода в свет: 10.07.2019.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.